

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СИБИРИ

УДК 338(571.1/.5)

Индустриальная траектория роста Тюменской области в контексте истории ее социально-экономической укорененности

Елена Владимировна Андрианова¹, Владимир Александрович Давыденко²,
Гульнара Фатыховна Ромашкина³

¹ кандидат социологических наук, доцент,
Тюменский государственный университет
e.a.andrianova@utmn.ru

² доктор социологических наук, профессор,
Тюменский государственный университет
vlad_davidenko@mail.ru

³ доктор социологических наук, профессор,
Тюменский государственный университет
g.f.romashkina@utmn.ru

Аннотация. В статье представлен анализ научных источников, теоретические подходы и методологии исследования процессов новой индустриализации и сопряженного с ними социокультурного пространства как их ядра, построение методики определения текущих позиций макро-, мезо- и микроакторов, выявления их интересов и установок, примеры реальных практик и доминирующих линий экономического поведения в контексте индустриальной траектории роста Тюменской области. Представлены эмпирические, теоретические и методологические исследования новой индустриализации, ее возможностей и ограничений на примере Тюменского региона. Показаны и раскрыты проблемы и противоречия социокультурного регионального пространства, взятые в историческом, социокультурном и социоэкономическом контекстах. В данной работе подчеркивается тот факт, что институты и технологии связаны с формальными и неформальными практиками, олицетворяющими социальные нормы, неявное знание, политически и социально воспроизводящими весь спектр структурированных взаимодействий различных статусных групп и региональных элит. Феномен возрастающей отдачи от инвестиционных вложений в рамках данного исследования рассматривается как важнейшая характеристика современных социетальных и технико-технологических процессов. Внедрение новых технологий и инновационная деятельность элит рассматриваются через призму как их непосредственного, так и опосредованного влияния на индустриальную траекторию роста Тюменского региона, представленную с точки зрения исторической, социально-экономической, структурной, культурной, политической и когнитивной укорененности ведущих представителей статусных групп (которая понимается как воспроизводства их действий, рассматриваемые с точки зрения их новых стимулов (мотивов), старых и новых социальных ценностей).

Ключевые слова: новая индустриализация, исторический, социально-экономический, структурный, культурный, политический, когнитивный виды укорененности, индустриальная траектория роста Тюменского региона.

DOI: 10.21684/2587-8484-2017-1-2-12-46

Цитирование: Андрианова Е. В. Индустриальная траектория роста Тюменской области в контексте истории ее социально-экономической укорененности // Е. В. Андрианова, В. А. Давыденко, Г. Ф. Ромашкина // Siberian Socium. 2017. Том 1. № 2. С. 12-46.
DOI: 10.21684/2587-8484-2017-1-2-12-46

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность. В настоящее время переход к формированию социально-экономической повестки «новой волны индустриализации»¹ в России и ее регионах (называемой также «реиндустриализацией», «новой индустриальной политикой» или «новым индустриальным развитием» [1, 3, 11, 19-22, 29, 37, 49, 52]) связан с теорией и практикой возрождения отечественной промышленности на новой технологической базе. Сама по себе идея о новой логике индустриализации (реиндустриализации) вновь набирает популярность также и в зарубежной научной литературе, при этом акцент делается на том, что каждой стадии индустриального развития общества должна соответствовать уникальная совокупность политических и социально-экономических отношений, технологических изменений и сопутствующих им хозяйственных институтов [14, 48, 53-55]. Для России и ее регионов рассматриваемая в статье проблематика особенно актуальна потому, что она связана с внедрением импортозамещающих индустриально-технологических цепочек, ориентированных на выпуск конечной продукции как гражданского, так и военного назначения, и в нашем случае научное и прикладное значение имеет вопрос о том, как именно и почему индустриальная траектория роста той или иной социальной и региональной общности жестко сопряжена с контекстом ее истории и социально-экономической укорененности действий ведущих статусных групп и представителей органов власти, воплощаемых в современных практиках.

Научная проблема, решению которой посвящена статья, — описание и варианты разрешения противоречий между внедрением новых систем индустриализации в различных отраслях промышленности, связанных в том числе с убыва-

ющей отдачей (традиционные сектора экономики, обрабатывающая промышленность, военно-промышленный комплекс) и возрастающей отдачей (как в инвестиционных отраслях, так и особенно в отраслях, основанных на знаниях) [2, 11], институциональными и социоэкономическими контекстами управленческого поведения элиты в регионах России, в частности в Тюменской области [40].

Теоретическая и практическая актуальность поставленной проблемы состоит в том, что требуется объяснить, операционализировать и верифицировать существование тех или иных подходов к самому пониманию концепции «новой волны индустриализации» и практик реализации как в России в целом, так и в различных ее регионах. Чисто экономические подходы ориентируют на необходимость создания института для реализации государственной политики восстановления и будущего развития технологий отечественного машиностроения, сопряженного с решением ключевых проблем *реиндустриализации экономики* («ре» — возвратная частица, означающая восстановление на новой основе), под которой понимается перевод «старой» промышленной базы на создание новейших видов техники и технологий, что предполагает восстановление отраслевой целостности; проведение активной и системной промышленной политики; обновление производственного аппарата; решение кадровых проблем [37]. Однако хорошо известно, что кроме чисто экономических и жестких технологических факторов результаты хозяйственной деятельности любой общности зависят от современных практик управления органами региональной и федеральной власти, действующих институтов, организационных структур и систем реального управления. В России традиционно наблюдается серьезный крен в сторону централизации и вертикали власти, из-за чего возникают дефициты не только экономических и финансовых ресурсов на региональном и муниципальном уровнях, но и особенно очевидно — политической воли и полномочий [11]. Для России новая индустриализация как социально-экономический феномен означает также необходимость остановить уже ярко вы-

¹ «Речь сегодня идет о новой волне индустриализации. Конечно же, имею в виду высокотехнологичную индустрию XXI в., действующую на принципах свободного, конкурентного рынка, основанную на таких базовых экономических понятиях, как эффективность, рентабельность, рыночный спрос, окупаемость вложенных инвестиций...» — заявил Владимир Путин [7].

раженные тенденции примитивизации и архаизации структур (отраслей) экономики. Новая индустриализация рассматривается во многих аспектах: структурном, ресурсном, институциональном, технологическом, макроэкономическом [22, с. 9–10]. Важно подчеркнуть, что процессы новой индустриализации стали ценным стратегическим ресурсом всей экономической политики современных развитых стран [14, 48]. Ключевыми ее содержаниями и смыслами практических действий стали процессы распространения и внедрения прорывных технологий, которые охватывают формирование новых отраслей и секторов промышленности в этих странах. Учитывая масштабные процессы примитивизации и архаизации структуры экономики, деиндустриализации российской промышленности в последние два десятилетия, Россия в первую очередь должна обеспечивать возрождение отраслей промышленности традиционных укладов на новой технологической основе, т. е. речь идет именно об реиндустриализации [29, с. 19].

Для многих регионов России, ориентированных на новую индустриализацию экономики (реиндустриализацию экономики, модернизацию отечественной промышленности), существует *реальная проблема* встраивания местных элит в инвестиционные процессы таким образом, чтобы обеспечить конструктивные политические, экономические и социальные условия, которые помогли бы гарантировать достаточно устойчивый приток инвестиций в стратегически важные виды промышленного производства и осуществлять адекватный контроль. Если цель хозяйственного агента есть взимание бюрократической ренты (регулярно получаемого дохода с соответствующего вида капитала), то оно зависит от возможностей и ограничений воспроизводства групп специальных (особых) интересов в рамках муниципальных, региональных и федеральных структур власти. Переориентация региональных элит на новую индустриализацию в итоге должна в то же время обеспечивать устойчивое экономическое и промышленное развитие региона.

Отсюда определяется *цель*, которую авторы преследуют в данной статье: описать возможные

индустриальные траектории роста России и ее регионов в контексте истории их социально-экономической укорененности, сделав упор на пример Тюменской области; выявить формальные и неформальные механизмы взаимодействия элитарных региональных групп, реально поддерживающих новую индустриализацию экономики, инвестиции и соответствующие им общероссийские и региональные интересы. *Задачи*, решение которых ведет к цели: провести операционализацию и верификацию современных проблем новой индустриализации и сопряженных с ними ключевых переменных социокультурного пространства в направлении формирования элитарных групп и коалиций от перераспределительных интересов — к всеохватывающим региональным интересам, постараться выявить необходимые базовые мотивы и стимулы, ценности и установки, показать примеры реальных практик и доминирующих линий социально-экономического поведения в контексте индустриальной траектории роста Тюменской области.

В свете поставленных задач *актуальность исследования* состоит в том, что рассматривается фундаментальный вопрос о необходимости создания новых институтов, соответствующих концепции внедрения новой индустриализации (реиндустриализации), а также реализации на практике концепции контроля государственной политики восстановления и развития отечественной промышленности. Несомненно, что большое значение имеет при этом опыт внедрения новой индустриализации в Тюменской области, который жестко сопряжен с контекстами ее истории социально-экономической и политической укорененности действий правящих групп.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Среди российских ученых идут дискуссии о выборе структурных приоритетов новой промышленной политики. Так, В. В. Ивантер и Н. И. Комков, С. Бодрунов с соавторами, Я. Дубенецкий и многие другие полагают, что новую индустриализацию (реиндустриализацию) надо начинать с возрождения военно-промышленного комплекса, и в случае успеха он «мультипликатором»

должен потянуть за собой все остальное, когда для промышленного подъема используются накопленные серьезные финансовые ресурсы, «в тучные годы». Сообразно с этим принимается во внимание то, что значительная часть финансовых ресурсов должна быть направлена на развитие инфраструктуры [5, 16, 19]. Признавая, что рост оборонных производств военно-промышленного комплекса может оказаться неэффективным в долгосрочном периоде, как и с точки зрения глобальной конкурентоспособности, авторы при всем этом альтернативы военной стратегии реиндустриализации не видят.

Другая точка зрения на приоритеты новой индустриализации российской экономики — В. Цветкова и В. Иноземцева, которые независимо друг от друга пришли к выводу о том, что в России отправной точкой новой индустриализации должен стать топливно-энергетический комплекс. Цветков предлагает выбрать в качестве наиболее «прорывных» отрасли добывающей промышленности топливно-энергетического комплекса вкупе с отраслями национальной инфраструктуры (транспортной, телекоммуникационной, энергетической). По мнению В. Цветкова, аргументы в пользу такого подхода заключаются в том, что данные отрасли обладают внешней конкурентоспособностью, необходимыми и достаточными условиями для трансформации, имеют кумулятивно-синергетический эффект развития и, наконец, главное — будут служить мощнейшими локомотивами внедрения инноваций [49]. В. Иноземцев справедливо отмечает, что добыча полезных ископаемых во всем мире — это сектор экономики, отличающийся высокими технологическими стандартами и прогрессивной фондовооруженностью. Все без исключения энергетические корпорации в мире вкладывают в новейшие технологии миллиарды долларов, направляя на это от 4 до 7% совокупной прибыли, обеспечивая «технологические прорывы». Согласно В. Иноземцеву, именно российские отрасли сырьевой экономики способны предъявить основной платежеспособный спрос на новые технологии и оборудование и тем самым стать искомым «локомотивом» народного хозяйства. В то же время

В. Иноземцев подчеркивает, что, хотя идея перехода от сырьевой экономики к инновационной соответствует логике современного прогресса, тем не менее она имеет минимум три изъяна. Во-первых, такой переход предполагает особое «промежуточное звено», а именно достаточно конкурентоспособную в мире развитую промышленность, ориентированную на конечный спрос. Во-вторых, именно отечественная экономика должна предъявлять спрос на инновации, которые бы обогащали Россию, а не ее «партнеров». В-третьих, структурная перестройка в условиях быстрого экономического роста — это нонсенс, в то время как возникла новая повестка: требуется по темпам роста догнать и перегнать развитые страны мира. В-четвертых, В. Иноземцев считает, что России требуется «нормальный политический процесс», для чего нужны как минимум 10-15 лет роста. В-пятых, в стране должен сформироваться такой уровень потребления, который бы достиг тех значений, на которых обычно и происходит приход новой технологической волны [20]. В то время как последние три года уровень потребления в России только падает. Более того, дальнейшая погоня за рентой еще сильнее ограничит экономический рост. Какие бы дискуссии ни проходили, ясно, что для реиндустриализации важно создание высокотехнологичного базиса российской промышленности. Если отрасли «перспективной волны» новой индустриализации должны гарантировать независимость и самодостаточность технологий в будущем, то отрасли «текущей волны» новой индустриализации должны обеспечивать базовую инфраструктуру и техническую поддержку экономики, в то время как «старые» отрасли реиндустриализации должны представлять основной источник занятости.

Понимание такой логики развития новой волны индустриализации важно в контексте задач, определенных президентом РФ В. В. Путиным в новом курсе на широкомасштабную экономическую модернизацию, которая была озвучена еще в майских указах 2012 г., нацеливаемых на обеспечение достаточно высоких темпов экономической динамики как основы успешного решения социальных проблем, обеспечения необ-

ходимого уровня обороноспособности страны [43]. В развитие положений политики модернизации был разработан ряд программных документов, раскрывающих пути решения стратегических задач экономического развития и структурного разворота национального хозяйства от сырьевой специализации в сторону конкурентоспособной диверсифицированной экономики инновационного типа воспроизводственного процесса [41]. В этих программных документах были заложены амбициозные планы, реализация которых должна была обеспечить возрождение России в качестве одного из технологических лидеров мирового рынка. В частности, к 2020 г. предполагалось укрепить ее позиции на мировом рынке высокотехнологичной продукции и довести долю России с 0,3% (2009 г.) до 2% (2020 г.), повысить инновационную активность российских предприятий с 7,7% (2009 г.) до 25% (2020 г.), уровень затрат на науку с 1,2% (2009 г.) до 3,0% (2020 г.). Но, как показал анализ факторов реализации документов стратегического планирования верхнего уровня, выполненный научной группой под руководством М. Э. Дмитриева [13], выполнение предусмотренных документами мер по диверсификации экономики, формированию новых институтов, способных придать динамизм инновационному развитию, где Россия была бы способна расширить свои позиции на глобальных рынках, осуществлено всего лишь на 10–30%.

Возникла необходимость создания новой долгосрочной программы экономического развития, которая была поручена президентом России Центру стратегических разработок под руководством А. Кудрина и М. Э. Дмитриева. В основу их программы заложена конструкция выхода России из «ловушки неконкурентоспособности» путем разработки и продвижения прорывной инновационной продукции на внешние рынки, диверсификации экспортной базы, наращивания конкурентных преимуществ отечественных производителей, ориентированных также и на внутренний рынок. Конкурентные преимущества должны наращиваться за счет снижения затрат, удешевления сырьевой и энергетической состав-

ляющей. Министр экономики России Максим Орешкин выступил с интервью, в котором рассказал о старых и новых задачах своего министерства и представил новую методологию действий, в которой исходным пунктом является алгоритм формулировок, какие существуют *количественные и качественные ограничения*, замедляющие рост экономики России и ее регионов. Прописывается матрица, где по горизонтали — ограничения, а по вертикали — конкретные действия, направленные на их преодоление. В ячейках, соответственно, дается оценка, как эти действия влияют на те или иные ограничения [55]. Важно подчеркнуть, что в данной статье заложена примерно такая же *методологическая схема* решения практических экономических и управленческих задач для продвижения новой индустриализации, применяемая в Тюменской области. Наш взгляд, имеет особое значение региональная локализация новой промышленной политики, сопряженная с современными практиками и реализуемая в процессах траекторий роста Тюменской области в контекстах исторической и социально-экономической «укорененности» действия элитарных и властных групп в социальных отношениях.

Представленный обзор литературы вкратце объяснил состояние изученности проблемы, представил основные достижения и нерешенные вопросы, что позволяет перейти к обсуждению особенности методологии, включая ее альтернативные варианты.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методология исследования, представленная в данной статье, заключается в том, что нами выделяются идеально-типические конструкции («паттерны», «идеальные типы» по М. Веберу), характеризующие базовые черты промышленной политики развитых стран, и показывается, как с их помощью элитарные коалиции могут формировать способы построения эффективной работы рынков, регионов, государств. Методология нашего исследования предполагает, что мы можем добиться более существенных теоретических и эмпирических результатов, если рассмотрим, как

идеально-типическое доминирование одной из групп между государственными чиновниками, работниками и бизнесменами (предпринимателями, капиталистами) влияет на формирование локальных рыночных институтов.

Идеальные типы тем и полезны, что они позволяют рассматривать государственное вмешательство в работу рынков как функцию исторически сложившихся властных групп (коалиций) между чиновниками различных уровней власти и управления, политиками, бизнесменами и работниками различных статусных групп. Чтобы использовать эти идеальные типы, нужно изучить исторически сложившийся баланс сил на этапе формирования рыночных институтов в данном обществе, определить текущие позиции акторов и составить прогнозы относительно того, как будет выстроена организующая способность государства и как она будет воздействовать на правила организации рынков. Если знать, какой именно тип социальной организации доминирует в данном обществе, и понимать роли, которые играют различные группы, тогда появляется возможность понимать и предсказывать, как именно будет разрешаться новый кризис и какого рода сферы и правила будут, скорее всего, созданы [48, с. 86]. Общая методология исследования такова: «чистые случаи» формирования идеальных типов на основе организующей способности государства (доминирование чиновников, бизнесменов, политиков или работников) появляются тогда, когда в исполнительной или законодательной ветви власти доминирует одна группа, создавая выгодные для себя правила.

Когда институты созданы и появилась организующая способность к формированию разных сфер, то сферы, производящие и поддерживающие правила, начинают жить своей жизнью. Это мы особенно явно наблюдаем в современной России. В случае рентоориентированного государства, в каком статусе и живет до сих пор вся Россия, чиновники и политики организуют рынки за счет прямого владения предприятиями и используют их для поддержки привилегированных групп (родственники, друзья), для установления стабильных клиентелистских отношений с опреде-

ленной социальной группой. Они используют власть, чтобы извлекать ренту из этих «привилегированных групп». При этом в современной России многое обусловлено ведомственными интересами. Степень, с которой чиновники и политики рентоориентированного государства способны подчинить себе хозяйство и общество, часто варьирует даже там, где работники и предприятия в значительной мере дезорганизованы и не могут создать противодействующие движения. Вместе с тем общество понимает, что оно должно быть готово позволить «привилегированным группам» извлекать прибыль за счет «формально законных» способов взаимодействий и стабилизации социальных отношений на рынках, потому что таким образом, как правило, сохраняется *общее благо* — бесперебойное производство товаров и услуг, как и рабочие места. При этом все понимают, что возможность использования элитарными коалициями и статусными группами этой формы контроля имеет свою цену, иногда очень высокую для большинства представителей нижних групп населения. Когда имеет значение представление о том, что правящий класс является хранителем *общего блага*, представители органов государственной власти призваны «утверждать формальный порядок» (М. Вебер) — тем или иным способом. Одна из стандартных форм сохранения *общественного блага* характерна для системы, которую М. Вебер назвал «патримониализмом» [10, с. 269-275], что, на наш взгляд, достаточно рельефно проявляется в современной России. Власть воспроизводится в такой системе, которая определяется формой традиционного господства властителя, а от остальных форм отличается существованием окружения, обязанного лично ему, или «патримониального покрытия потребностей в политических средствах власти, которые сами связаны с апропрированными властными позициями по отношению к обобществленному действию» [3, с. 25]. К нему примыкает подход, объясняющий преемственность политики организационными характеристиками представителей государства и определяемый как «*неоинституциональный реализм*». В индустриальных обществах создаются «стили регулирования» [14,

с. 15], которые тем или иным способом «укоренены» в соответствующих формальных и неформальных нормах и правилах и закреплены как в их формальных, так и неформальных институтах. С точки зрения предлагаемой парадигмы властно-ориентированного подхода, в постиндустриальных обществах социальные структуры и социальные отношения реализуются в виде длительных исторических проектов, получающих «вкрапления» исторических социально-экономических практик в форме «укорененности» экономических действий представителей властвующей элиты.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Теоретические предпосылки данной работы восходят к следующим исследовательским направлениям: неомарксизму, неинституциональным теориям в социологии и экономике, политико-культурному и властно-ориентированному подходам. Основной тезис современного марксизма состоит в том, что бюрократы (чиновники), политики, бизнесмены и работники (персонал) сталкиваются друг с другом по вопросам контроля, и, как показывает практика России, здесь обычно побеждают бюрократы и политики, в меньшей мере бизнесмены (капиталисты), и самые уязвимые группы — это работники. Мы согласны с таким утверждением. Если ограничить нашу тему развитыми индустриальными обществами, то преобладающими моделями изучаемых социально-экономических отношений окажутся доминирование властных структур и в меньшей степени — профессионализм, хотя возможны и исключения. В немногих индустриальных обществах основной моделью роста оказывается отраслевая модель, наиболее «чистый пример» которой являет Германия. Так получается потому, что немецкие капиталисты гораздо лучше прочих организованы (т. н. «немецкий порядок»), обладают наиболее значимыми ресурсами и достаточно часто могут привлечь государство на свою сторону.

Сторонники неинституционалистских подходов исходя из предпосылок о том, что наблюдаемые рынки либо находятся в состоянии равновесия, либо приближаются к нему, при этом имеет

значение «работа институтов», как и наблюдаемые «провалы рынка» (в таких случаях надежды возлагаются на государство, которые должно их ликвидировать). Указывается на то, что государство (так же как и предприятия/фирмы) не обладает полной информацией и не имеет теоретической возможности ликвидации транзакционных издержек. Имеет значение структура формальных и неформальных норм и правил, способов их поддержания, которые задают рамки хозяйственной активности агентов: *институциональные образования* (institutional arrangements), позволяющие агентам организовывать свои действия на рынках; их *мотивационная структура* (structure of incentives), определяющая непосредственные побудительные причины их действий; *концепции контроля* агентов (conceptions of control), дающие понимание как хозяйственных процессов, так и стратегий действия [36]. Историческое вступление стран в эпоху индустриализации характеризуется формированием большого числа институциональных образований, сопряженных с мотивационными структурами и концепциями контроля. Социально-экономические процессы динамичны — но лишь до некоторого момента, когда определенная форма организации «замыкается» на себя, рынки становятся стабильными и менее динамичными. Рыночные процессы, которые развиваются таким образом, названы «зависимыми от ранее избранного пути» (path dependent), и к ним в полной мере относится Россия («эффект колеи»). Раз возникнув, образования path dependent формируют институциональные условия, помогающие организовать процесс появления новых промышленных организаций и целых отраслей. Права собственности могут быть организованы самым различным образом; раз появившись, они стабилизируются и обеспечивают институциональные структуры для возникающих отраслей. Подход предполагает, что различные общества сохраняют значимые различия в своих организационных устройствах. Неинституционалистские подходы обращают внимание на работу социально-экономических механизмов, которые являются следствием трех факторов: уникальной истории

вхождения общества в фазу индустриализации и последующего институционального развития, уникальной формы вмешательства государства в хозяйство, в отношения прав собственности, правил конкуренции и кооперации, а также социальной организации элит (собственников корпораций и тех, кто осуществляет над ними контроль в том или ином виде: семьи, менеджеры, государство).

Исследовательская программа, основанная на политико-культурном и сопряженном с ним властно-ориентированном подходе, включает несколько ключевых тезисов. Эта программа предлагает апробированные практикой развитых стран те социально-политические и социокультурные механизмы, благодаря которым государственная политика и государственные расходы оказывают положительное влияние на экономический рост: инвестиции в образование, здоровье, коммуникационную и транспортную инфраструктуру; обеспечение государством политической стабильности, справедливой правовой системы, честных судов, вызывающих доверие к себе со стороны представителей всех слоев общества; стабильная денежная система; свободные средства массовой информации; политическая конкуренция; надежное управление с высокой компетентностью бюрократии и чиновников.

Считается, что без устоявшихся социальных институтов и защиты прав собственности никакие хозяйственные акторы не станут инвестировать ради экономии от масштаба, не подвергая себя избыточному риску. Многие ученые, и особенно практики, готовы поверить в то, что те или иные варианты промышленной политики эффективны за счет крупных вложений в научные исследования, предложений сравнительно больших объемов капитала для высокорисковых проектов, включая обеспечение военных инвестиций. Политико-культурные и властно-ориентированные подходы в экономической социологии — это те теории, которые наиболее полно и адекватно объясняют динамику исторического индустриального и институционального развития [2, 6, 14, 36, 48, 52-55]. Но если

все это действительно верно, тогда откуда берется неприятие государственного вмешательства в экономику России? [44]

В экономической теории есть целое направление, согласно которому представители государств нацелены исключительно на извлечение ренты [6]. Предполагается, что деятельность бюрократов, политиков и чиновников как представителей государства теоретически нелегитимна — в том смысле, что они стремятся максимизировать свою долю прибыли в национальном доходе через участие в политических системах рентоориентированного поведения, тем самым забирая ресурсы у частного сектора. Эта идея о том, что государства являются хищническими по своей сути и природе, не просто порождена теорией социального выбора о невозможности рационального согласования интересов [34], но и связана с интересом теоретиков и практиков к оценке того, каким образом те или иные государства могут добиться конкурентных преимуществ на рынках для своих фирм/предприятий. Все более набирает популярность идея о новой логике индустриализации, предполагающая, что каждой стадии экономического развития соответствует особая совокупность политик государства и сопутствующих им хозяйственных практик и институтов. Делается вывод о том, что сбалансированный анализ должен учитывать структурные, экономические, социальные, культурные и исторические факторы одновременно. Интересные трактовки о том, что индустриальные траектории роста могут фиксироваться в структурах капитала ее социально-экономической укорененности, встречаются у Ш. Зукин и П. Димаджио [56], которые предложили понятия укорененности, взятые в разных контекстах, причем большое значение имеют структурная укорененность, укорененность в сетях и в социальных структурах. Вместе с тем существуют и другие виды укорененности: *политическая укорененность* (political embeddedness), которая вызывается фактами, фиксирующими, что экономическое действие исключительно всегда встроено в конкретный контекст политической борьбы того или иного элитарного клана; *культурная укорененность* (cultural embeddedness), или укорененность

экономического действия в культуре детерминирована невозможностью представить себе единое общество, связанное исключительно какой-то единой культурой; а также *когнитивная укорененность* (cognitive embeddedness), которая сопрягается с факторами ограничения мыслительных процессов человеческого разума. Разная культура посредством «верований и идеологий, убеждений, почитаемых само собой разумеющимися, формальных систем правил» достаточно сильно влияет на хозяйство, устанавливая «пределы экономической рациональности» [56, с. 17]. В этом понятийном ряду, кроме того, фундаментальное значение приобретает идея о том, что важна также и *историческая укорененность* (historical rootedness), поскольку исторические исследования государственной политики подтверждают, что правительства склонны решать новые проблемы с помощью привычных стратегий [14, с. 40]. Сторонники этого подхода считают данное обстоятельство доказательством «онтологической объективности исторических институтов», в которых воплощаются рациональные для данного этапа истории модели (паттерны) акторов экономического поведения, возникающие и воспроизводящиеся в силу идентифицируемых исторических причин конкретных практик. Затем эти модели (паттерны) социально реконструируются в качестве эффективных для того времени практик («история имеет значение»), подчеркивая важность символической борьбы. Формируемые таким образом формальные и неформальные институты могут становиться социокультурными образованиями в самом фундаментальном смысле понятия культуры. Сердцевиной структуры государственной власти и основой всего политического порядка данного исторического момента, как правило, оказывается особая, присущая общности политическая культура, которая позволяет основным игрокам интерпретировать политический порядок и вырабатывать особые, идеологически нагруженные смыслы, в свою очередь формирующие парадигму промышленной политики. Политическая культура понимается как совокупность исторически обусловленных взглядов, выражаемых акторами, принимающими ключевые

политические решения, которые укореняются в структурах государственной власти, чтобы впоследствии с удивительной устойчивостью и в то же время своеобразностью влиять на контуры проводимой промышленной политики [14, с. 9].

Рассматриваемый опыт становления новой индустриализации в Тюменской области изучается нами с различных точек зрения ее социально-экономической укорененности и истории происхождения. Поскольку в контексте социокультурных и социоэкономических факторов регионального развития имеет значение комплекс средств и технологий жизнеобеспечения (жилищное хозяйство, торговля, общественное питание, здравоохранение, воспитание и образование, получение и использование новых знаний), в особенности тех, которые способствуют достижению цели новой индустриализации этого комплекса средств и технологий, приближению качества жизни россиян к среднеевропейским стандартам, то ниже в данной статье на этих моментах делаются особые акценты. Важно понятие мотива, под которым имеется в виду внутреннее побуждение к экономическому действию, его непосредственная осмысленная причина. Если экономическая теория считает, что хозяйственными агентами движут экономические интересы, то властно-ориентированный подход, которого мы стараемся придерживаться в данной статье, предусматривает более широкий круг мотивов действия помимо экономических интересов: эти действия акторов (агентов) структурируются социокультурными и культурно-нормативными схемами, включающими как идеальные, так и практические стандарты экономического и политического поведения, которые одобряют и разделяют другие акторы (агенты), клиенты и конкуренты, и которые санкционируются представителями местных элит различных элитарных коалиций. Как справедливо подчеркивает В. В. Радаев, культурно-нормативные схемы (паттерны) формируют специфические социальные контексты, в рамках которых определяются и переопределяются правила, нормы и институты, и которые также порождают возможности и ограничения, в рамках которых складывается конкретное содержание экономических

интересов [36, с. 19]. Предложенные теоретические положения и принципы политико-культурного и властно-ориентированного подходов используются в данной статье в полной мере, поскольку авторы убеждены, что они являются теми базовыми компонентами, на основе которых строится любая индустриальная траектория роста региона (территории) в контексте истории ее социально-экономической укорененности действия ключевых акторов.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье используется метод анализа ключевых идей научной литературы, представление выводов из репрезентативных социологических исследований, данных статистики (Росстат), методы анализа случая, авторских глубинных интервью, исторического экономического анализа, изучения мотивации экономического поведения хозяйственных и политических акторов и их мотивационной структуры (structure of incentives), складывающейся в региональной (территориальной) среде, формируемой конкретными институциональными образованиями. Под изучением мотива понимается содержательная интерпретация внутреннего побуждения к действию, его непосредственная осмысленная причина. Основной единицей анализа для нас остаются не столько сами институты, сколько экономические и политические действия, понимаемое в веберовском духе — как внутренне осмысленная деятельность, ориентированная на действия других [8]. Значение имеет весь комплекс средств и технологий жизнеобеспечения (жилищное хозяйство, торговля, общественное питание, здравоохранение, образование, получение и использование новых знаний), способствующих достижению цели новой индустриализации, с точки зрения методов исследования на их смысловой и содержательной интерпретации в статье делаются особые акценты.

ЧАСТНЫЕ ГИПОТЕЗЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Местные элиты Тюменской области, ориентированные на индустриальную траекторию роста, консолидированы не только по политическим мотивам, но и вокруг планов реализации стратегий социально-экономического и социокультур-

ного регионального развития, идейным вдохновителем и реальным руководителем которого является сильный губернатор. Имеется высокая вероятность того, что местные элиты, элитарные коалиции, высокостатусные региональные группы действительно *укоренены, встроены* (embedded) в политическую и социально-экономическую региональные системы и мотивированы на свой особый интерес от реализации программ развития новой индустриализации в Тюменской области многих инвестиционных проектов, что особенно ярко проявляется в контексте ее исторической социально-экономической укорененности, сопряженной с современными практиками. Успех развития региона возможен в случае, если местные элиты не только политически консолидированы, но и морально объединены вокруг стратегии социально-экономического развития, предложенной исполнительной властью и способной преобразовать регион в сильный хозяйствующий субъект РФ.

ДАННЫЕ

Этот раздел статьи особенно важен для представляемых нами эмпирических исследований, в которых используются еще малоизвестные (социологические) и большие (статистические) массивы данных. Природа и источники данных базируются на трех основаниях: описательных статистиках, авторских социологических исследованиях и экспертных исследованиях социально-исторических практик. Методология описательных статистик опирается на анализ динамических рядов, представленных Росстатом, включая ошибки, которые могут возникнуть в ходе измерения и сбора такого рода данных; надежность, репрезентативность и расчетные ошибки выборок социологических данных, полученных в авторских исследованиях, указаны ниже. В наиболее полном объеме анализ данных представлен в рамках авторской научной монографии по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов» [40], за исключением данных 2016 г. Что касается результатов экспертных исследований, сопряженных с социально-историческими практиками, то применялись стандартные исто-

рические методики, в т. ч. методики исторического случая, представленные в современной теории и методология истории [42].

ЭМПИРИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ: ОПИСАТЕЛЬНЫЕ СТАТИСТИКИ

Для Тюменской области (без автономных округов) характерны высокие социально-экономические показатели, которые сопряжены с высоким уровнем влияния исполнительной власти как на деловые круги, так и на политические партии и региональные сообщества в целом. Тюменская область — это в настоящее время достаточно успешный, в социальном плане стабильный регион с позитивной динамикой экономических показателей.

Имеет значение динамический индекс промышленного производства (таблица 1). Как видим из данных таблицы 1, Тюменская область в сравнении с другими регионами с точки зрения динамики промышленного комплекса — одна из наиболее успешных в России, что демонстрируют темпы промышленного роста среди других динамично развивающихся регионов. По признаку промышленного роста видим устойчивый экономический тренд развития юга Тюменской области, что фиксируется ростом не только в сегменте добычи углеводородов, но и в инфраструктурных и обрабатывающих производствах, а также в строительстве и некоторых других отраслях экономики,

на которые делаются особые инвестиционные ставки (агрокомплекс и пищевая промышленность, производство строительных материалов, машиностроение, металлургия), что всецело поддерживается региональным правительством.

Промышленный рост юга Тюменской области в разгар мирового кризиса 2009 г. был зафиксирован на уровне 108,4%, в то время как российский аналогичный индекс составлял 89,3%. В то же время мы понимаем, что динамика любого промышленного комплекса не учитывает «эффект низкой базы», основной смысл которого заключается в том, что стартовые позиции региона низки, и в сравнении с ними даже небольшое увеличение по темпам роста выглядит внушительным как в абсолютных, так и в относительных показателях. Так, в то время как индекс промышленного производства Москвы, Санкт-Петербурга, северных регионов «тюменской матрешки» ХМАО-Югры и ЯНАО-Ямала в 2014–2015 гг. составлял соответственно 95,9–97,2%, 91,8–93,0%, 98,7–97,5% и 97,5–104,5%, очевидно, что они давно аккумулировали в себе «высокую базу» основных капитальных благ. Если сравнивать статистические показатели региональной экономики юга Тюменской области с показателями северных стратегических автономных округов, своеобразных электроэнергетического и нефтегазового монстров, картина получается неутешительная.

Таблица 1. Индекс промышленного производства по субъектам РФ (к предыдущему году, в %)
Table 1. The index of industrial production in the RF subjects (in comparison with the previous year, in %)

	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Российская Федерация	106,3	106,8	100,6	89,3	107,3	105,0	103,4	100,4	101,7	96,6
Ростовская область	115,8	114,5	105,1	84,5	114,4	119,3	107,8	106,2	105,4	153,2
Республика Алтай	107,4	106,5	104,2	89,6	96,5	108,1	104,4	96,5	105,6	125,2
Брянская область	111,7	121,8	103,2	76,6	122,9	110,6	115,7	96,8	102,1	113,5
Сахалинская область	131,1	229,3	90,8	126,6	101,1	103,3	94,7	99,5	105,5	112,6
Тульская область	109,1	107,1	101,5	90,0	110,9	120,0	108,4	110,5	104,5	111,9
<i>Тюменская область (без АО)</i>	...	109,2	105,6	108,4	122,3	116,5	113,2	115,1	112,9	109,7
Астраханская область	100,9	111,6	110,3	93,4	113,0	107,5	118,7	115,5	102,9	109,6
Республика Марий Эл	117,1	111,3	106,4	94,6	116,1	107,3	110,0	100,3	113,4	108,5
Томская область	99,2	98,2	100,0	97,9	105,3	107,0	103,9	100,7	100,1	108,0
Магаданская область	88,8	91,0	102,1	105,8	103,9	108,3	110,0	103,0	109,0	107,5

Окончание таблицы 1

Table 1 (End)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Мурманская область	101,5	98,2	94,6	96,5	103,2	99,5	102,7	99,8	99,8	106,8
Ненецкий АО	104,8	105,2	107,7	128,1	96,5	83,9	89,3	96,5	105,9	106,2
Иркутская область	108,0	104,4	104,8	96,1	113,3	111,4	112,9	102,5	104,4	105,8
Ставропольский край	109,0	106,8	101,0	101,4	105,3	111,9	102,9	103,7	102,4	105,7
Белгородская область	113,4	111,3	112,7	103,5	113,9	108,7	105,6	102,1	102,5	105,5
Республика Дагестан	108,5	133,1	104,1	103,2	91,2	92,3	100,4	154,0	100,7	105,2
Республика Тыва	103,2	100,6	92,0	96,3	110,3	96,4	105,7	103,8	108,5	105,1
Пензенская область	115,0	106,4	110,2	97,7	113,0	115,4	110,0	104,7	108,3	104,8
<i>Ямало-Ненецкий АО</i>	<i>102,9</i>	<i>95,7</i>	<i>97,7</i>	<i>89,9</i>	<i>104,7</i>	<i>102,2</i>	<i>99,5</i>	<i>106,2</i>	<i>97,5</i>	<i>104,5</i>
Курская область	106,5	104,1	95,0	100,0	106,5	104,6	103,3	100,8	105,7	104,3
Саратовская область	106,5	106,6	102,0	96,3	101,8	120,5	106,6	102,3	107,6	104,2
Кабардино-Балкарская Республика	109,5	111,7	105,3	112,7	100,2	107,9	122,4	93,5	110,3	104,2
Архангельская область	99,1	107,0	105,5	115,4	104,9	88,8	95,1	102,4	89,6	103,8
Республика Саха (Якутия)	100,0	100,5	104,2	86,4	122,8	116,1	109,0	106,2	104,9	103,8
Камчатский край	101,6	100,6	100,9	99,8	101,5	105,6	105,2	97,1	104,4	103,4
Кировская область	108,3	101,7	98,7	90,1	111,4	110,0	100,8	100,2	103,9	103,3
Республика Адыгея	118,3	118,2	116,6	103,8	115,2	107,2	108,7	102,7	118,5	103,1
Псковская область	108,2	108,0	105,1	89,6	117,4	116,3	99,6	100,6	94,4	102,8
Новгородская область	101,7	106,4	102,3	87,7	116,1	110,9	104,4	105,4	112,9	102,7
Вологодская область	107,1	104,9	95,3	90,5	111,8	105,6	101,3	102,5	103,7	102,6
Удмуртская Республика	101,5	97,4	100,7	95,1	106,1	110,1	102,6	101,8	99,2	102,6
Нижегородская область	108,9	100,5	90,4	77,9	116,7	107,7	104,1	104,5	100,6	102,5
Краснодарский край	122,9	110,9	100,4	87,8	104,2	107,1	108,3	102,5	102,6	102,4
Ульяновская область	104,5	108,5	100,8	75,2	114,4	112,1	102,5	99,4	102,9	102,4
Хабаровский край	89,3	110,1	92,6	93,2	111,0	116,9	109,6	102,2	100,5	102,0
Карачаево-Черкесская Респ.	115,7	110,7	96,1	106,0	116,0	119,7	124,7	89,8	79,2	102,0
Курганская область	106,8	105,9	101,3	77,0	113,2	110,4	110,5	100,8	97,7	101,8
Республика Бурятия	108,4	108,6	107,6	99,3	120,2	114,2	103,2	114,9	102,9	101,6
Республика Татарстан	108,1	107,3	104,0	95,6	105,1	106,3	106,9	101,7	100,6	101,5
Новосибирская область	110,7	110,7	102,4	89,1	108,3	105,0	109,0	101,4	100,2	101,0
Чеченская Республика	...	100,6	96,4	88,2	93,7	97,3	99,7	101,6	102,6	101,0
Омская область	110,8	109,1	101,4	93,3	106,4	104,0	103,1	103,2	103,5	100,4
Республика Ингушетия	105,1	76,1	83,7	112,1	97,4	111,4	110,0	116,1	102,8	100,4
<i>Тюменская область (с АО)</i>	<i>103,8</i>	<i>101,5</i>	<i>99,7</i>	<i>97,5</i>	<i>98,6</i>	<i>98,7</i>	<i>98,6</i>	<i>98,4</i>	<i>98,7</i>	<i>100,0</i>
Пермский край	104,2	89,4	100,3	85,5	111,3	116,4	102,3	103,9	104,3	99,5
Самарская область	105,0	103,4	103,1	80,7	114,4	105,8	102,2	101,0	99,4	99,4
Красноярский край	101,0	102,4	104,0	98,3	135,8	107,3	109,3	109,3	101,9	99,0
Челябинская область	110,5	112,5	96,3	80,1	111,0	107,5	101,7	99,9	104,0	98,0
Республика Хакасия	105,8	99,7	112,2	93,3	98,0	113,3	102,9	110,5	95,2	98,0
<i>Ханты-Мансийский АО</i>	<i>103,8</i>	<i>101,5</i>	<i>99,7</i>	<i>97,5</i>	<i>98,6</i>	<i>98,7</i>	<i>98,6</i>	<i>98,4</i>	<i>98,7</i>	<i>97,5</i>
Москва	119,6	91,1	88,1	93,7	97,8	100,7	100,4	95,3	95,9	97,2
Свердловская область	108,2	107,3	95,4	81,1	117,3	106,2	109,6	102,7	100,8	96,9
Калужская область	111,1	105,7	100,2	83,8	115,7	108,2	103,7	104,6	99,6	94,6
Санкт-Петербург	98,0	110,1	103,6	83,4	107,8	114,6	104,7	99,6	91,8	93,0

Составлено по данным Росстата [45].

Compiled from the Rosstat [45].

В таблице 2 представлен рейтинг регионов Российской Федерации по валовому региональному продукту (ВРП) (валовая добавленная стоимость в основных ценах) в млрд рублей, по субъектам РФ, который фиксирует не только приросты промышленного производства различных регионов (поскольку некоторые из них имеют неравномерно низкую базу для сравнения), но и показатели, измеряющие валовую добавленную стоимость региона, исчисляемую путем исключения из суммарной валовой продукции объемов ее промежуточного потребления.

Как видим из данных, представленных в таблице 2, Ханты-Мансийский АО занимает вто-

рую строчку в рейтинге по валовому региональному продукту (вслед за Москвой), Ямало-Ненецкий АО занимает восьмую строчку в этом рейтинге, а Тюменская область (юг) — восемнадцатую. Эффект высокой базы особенно нагляден в средневзвешенном варианте сравнения трех регионов «тюменской матрешки» при сопоставлении отдельных ключевых показателей экономики юга Тюменской области с северными автономными округами (отметим, что номинальные объемы ВРП в текущих рыночных ценах значительно выше, чем в основных ценах, в связи с тем, что обновленные данные по ВВП по третьей оценке (всего их пять) Федеральной

Таблица 2. Рейтинг регионов Российской Федерации по валовому региональному продукту по субъектам РФ (валовая добавленная стоимость в основных ценах), млрд руб.

Table 2. Rating of the RF regions by gross regional product in the RF subjects (gross value added in basic prices), billion rubles

№	Регион	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014*
	Российская Федерация	22 492,1	27 964,0	33 908,8	32 007,2	37 687,8	45 392,3	49 926,1	54 013,6	58 900,1
1	Москва	5 260,2	6 696,3	8 248,7	7 127,0	8 375,9	9 948,8	10 666,8	11 632,5	12 808,5
2	Ханты-Мансийский АО	1 594,1	1 728,3	1 937,2	1 778,6	1 971,9	2 440,4	2 703,5	2 789,6	2 826,0
3	Московская область	934,3	1 295,6	1 645,8	1 519,4	1 832,9	2 176,8	2 357,0	2 551,2	2 705,6
4	Санкт-Петербург	825,1	1 119,7	1 431,8	1 475,8	1 699,5	2 091,9	2 280,4	2 496,5	2 652,0
5	Краснодарский край	484,0	648,2	803,8	861,6	1 028,3	1 244,7	1 459,4	1 617,8	1 792,0
6	Татарстан	605,9	757,4	926,1	885,1	1 001,6	1 305,9	1 437,0	1 547,1	1 671,3
7	Свердловская область	653,9	820,8	923,6	825,3	1 046,6	1 291,0	1 484,8	1 586,2	1 661,4
8	Ямало-Ненецкий АО	546,4	594,7	719,4	649,6	782,2	966,1	1 191,2	1 373,4	1 611,6
9	Красноярский край	585,9	734,2	738,0	749,2	1 055,5	1 170,8	1 183,2	1 256,6	1 423,2
10	Башкортостан	505,2	590,1	743,1	647,9	759,2	941,0	1 149,3	1 266,9	1 248,8
11	Самарская область	487,7	585,0	699,3	584,0	695,7	834,1	937,4	1 040,7	1 152,0
12	Нижегородская область	376,2	473,3	588,8	547,2	652,8	770,7	842,1	925,8	1 018,4
13	Ростовская область	340,0	450,4	576,1	555,9	659,6	765,9	843,5	923,5	1 000,2
14	Челябинская область	446,9	575,6	664,5	557,0	652,9	774,4	841,9	879,2	992,9
15	Пермский край	383,8	477,8	607,4	539,8	623,1	840,1	860,3	893,4	967,9
16	Иркутская область	330,8	402,7	438,9	458,8	546,1	634,5	737,9	796,5	907,4
17	Новосибирская область	296,1	365,5	453,6	425,4	484,1	598,5	728,1	821,4	895,3
18	Тюменская область (юг)	413,3	435,8	438,9	442,1	547,1	706,0	730,6	854,7	740,9
19	Оренбургская область	302,8	370,9	430,0	413,4	458,1	553,3	628,5	709,5	731,3
20	Ленинградская область	265,3	309,0	383,3	430,4	490,3	581,7	672,0	692,7	714,0

Составлено по данным Росстата [46].

Примечание: * На момент написания статьи (февраль 2017 г.) Росстат еще не представил данные валового регионального продукта по субъектам Российской Федерации за 2015 г. в текущих рыночных ценах.

Compiled from the Rosstat [46].

Notes: * At the time of this writing (February 2017), Rosstat has not yet reported gross regional product data on the RF subjects for 2015 at current market prices

службы государственной статистики (Росстата) корректируются на величину изменений, связанных с внедрением международной методологии оценки.

Понятно, что количественные и структурные соотношения по нефти, газу и электроэнергетике юга Тюменской области и двух северных ее соседей несоизмеримы (последние данные только по 2013-2015 гг.). Когда речь заходит о развитии «большой» Тюменской области — ХМАО-Югры, ЯНАО-Ямала и «примыкающего» к ним юга Тюменской области, — то вспоминают нефть, газ, электроэнергию и связанную с ними «ресурсную ренту», которая неизменно была величиной формирования региона-донора по наполнению российского бюджета. Если взять поступления налогов из всех регионов в федеральный бюджет за 100% (в основном это два налога: налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ) и налог на добавленную стоимость (НДС)), то в 2014 г. ХМАО отдал Центру 28%, Москва — 16%, ЯНАО — 10%, Санкт-Петербург — 5% [17]. Все должны были «ходить строем, а самые богатые регионы должны еще и делиться» [18]. По нефти: ХМАО добыл в 2013 г. 255,1 млн т (48,7% от всей добываемой российской нефти, 1-е место в РФ), в 2014 г. — 250,2 млн т нефти, в 2015 г. — 243,1 млн т нефти (снижение добычи нефти связано с изменениями в структуре извлекаемых запасов месторождений [33]); в ЯНАО в 2013 г. было добыто 37,2 млн т нефти (7,0% от добываемой российской нефти), в 2014 г. — 21,5 млн т нефти, в 2015 г. — 20,7 млн т нефти [15]; на юге Тюменской области в 2013 г. было добыто 9,7 млн т нефти, в 2014 г. — 10,7 млн т нефти, в 2015 г. — 12,0 млн т нефти [32] (около 1,5% от добываемой российской нефти). По природному газу: в 2013 г. ЯНАО добыл 548,4 млрд куб. м природного газа (80,2% от добываемого российского газа, 2-е место в мире — доля мирового рынка природного газа ЯНАО составляла 16,2%), в 2014 г. — 516,2 млрд куб. м природного газа, в 2015 г. — 507,7 млрд куб. м (уменьшение объемов добычи природного газа в ЯНАО, как и по России, было связано с сокращением экспорта

природного газа в страны СНГ из-за снижения поставок газа на Украину, с уменьшением спроса на внутреннем рынке). ХМАО в 2013 г. добыл 36,2 млрд куб. м природного газа (5,3% от добываемого российского газа), в 2014 г. — 34,7 млрд куб. м, в 2015 г. — 34,8 млрд куб. м. На юге Тюменской области природный газ вообще не добывается. По производству электроэнергии: ХМАО произвел в 2013 г. 86,5 млрд кВт·ч (8,1% от производимой российской электроэнергии; 1-е место в РФ по данному показателю), в 2014 г. — 90,1 млрд кВт·ч электроэнергии, в 2015 г. — 90,8 млрд кВт·ч электроэнергии. На юге Тюменской области было произведено в 2013 г. 10,0 млрд кВт·ч (0,9% от всей производимой российской электроэнергии); в 2014 г. — 11,2 млрд кВт·ч, в 2015 г. — 10,9 млрд кВт·ч электроэнергии [15, 32, 35]. Положение Тюменской области и ее автономных округов в контексте списка регионов России, упорядоченных по валовому региональному продукту, кажется достаточно прочным (таблица 2).

Вместе с тем известно, что статистический ВВП надо воспринимать с известной осторожностью и сравнивать с реальным состоянием дел на местах, потому что нефтяная и газовая рента часто реализуется через штаб-квартиры, находящиеся в Москве, Московской области, Санкт-Петербурге, а не по месту реальной прописки добычи углеводородов. Этот момент вносит искажения в понимание отражения статистикой действительного положения дел. Чтобы восстановить более-менее реальную картину, нужно — хотя бы кратко — использовать ретроспективную методологию содержательного анализа роста Тюменской области.

ЭМПИРИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ: СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

Тюменская область (без АО) занимает промежуточное положение между двумя условными гигантами хозяйствования на Большом Урале. На севере Тюменской области безраздельно царят стратегические нефтегазовые гиганты — ХМАО и ЯНАО. К югу находится разнородный промыш-

ленный гигант, основу которого составляют Свердловская и Челябинская области. Нефтедобыча в Тюменской области в последние годы — один из наиболее активно растущих секторов промышленности: за 8 лет она выросла в 8,5 раз с 1,4 млн т в 2007 г. до 12 млн т в 2015 г. [38]. Это стало условием для успешного развития машиностроения в регионе. Индустриальный сектор юга Тюменской области базируется на нефтяной промышленности: около 80% отгрузки продукции — собственной переработки. Монопрофильная нефтяная направленность роднит юг области со стратегическими гигантами. Вместе с тем в основном это уже не нефть и газ как первородное сырье, а продукты нефтепереработки; кроме того, юг Тюменской области имеет развитую пищевую промышленность, машиностроение, строительную индустрию, активы различных металлургических холдингов. Индивидуальность юга Тюменской области выражена ярче всего в строительстве по вводу жилья: по итогам 2016 г. на юге введено почти 1,7 млн кв. м жилья, в то время как в ХМАО — только чуть более 0,84 млн кв. м, то есть в 2 раза меньше.

Текущие социально-экономические преимущества Тюменского региона складывались в течение многих десятилетий. После геологических открытий месторождений нефти и газа в 1960-х гг. началось промышленное освоение территории. Имеет значение и то, что покорители Тюменского севера проявляли героические образцы профессиональной и самоотверженной работы, когда трудовые подвиги и комсомольские стройки были рядовым явлением. В это время ковался знаменитый имидж сибирского комсомольского характера, отражающего стойкость духа первопроходцев. Именно в это время в полной мере укоренились и институционализировались технологические принципы работы геологов, нефтяников и газовиков применительно к управленческой и социальной сферам, когда был удивительно хорошо выстроен процедурный вопрос (порядки, нормативно-правовые акты), а потом к этим процедурам были приложены кадры, которые четко работают в командной системе.

Такие качества, как сплоченность, коллективизм и взаимоподдержка в экстремальных условиях Севера, воспроизводились в рамках жесткой корпоративной статусной системы четкого подчинения и безупречного выполнения всех указаний сверху. Как следствие, в конечном итоге в элиты выдвигались люди, оцениваемые в основном по деловым, а не политическим качествам. Особенно влиятельны нефтяные и газовые генералы, которые привыкли к тому, что нет необходимости даже контролировать исполнение данных команд: на следующий день все будет сделано. Для тюменских политических и деловых кругов также свойственна преемственность в кадровых вопросах. Приход во власть или в бизнес человека с улицы практически исключен. Все высшее руководство Тюменской области начинало работать с должностей среднего управленческого звена. Выстроенная административная вертикаль работает и сегодня без каких-либо сбоев благодаря именно такому подходу к принципам работы — как у геологов, газовиков и нефтяников. За долгий и бурный период формирования и развития с 1970-х гг. нефтегазового комплекса севера Тюменской области население ЯНАО увеличилось в семь раз (с 80 тыс. чел. в 1970 г. до 540 тыс. чел. в 2017 г.), ХМАО — более чем в шесть раз (с 270 тыс. чел. в 1970 г. до 1 650 тыс. чел. в 2017 г.). Тот прорыв в индустриализации, который мы сегодня наблюдаем, — это естественное следствие крупных инвестиций в социально-экономическую сферу региона, а также в его административную инфраструктуру. Когда началось активное освоение нефтяных месторождений ХМАО и ЯНАО (с середины 1960-х гг.), Тюмень стала региональным хабом — достаточно крупным перегрузочным и пересадочным транспортным узлом, имеющим выгодное географическое положение, с необходимым набором сервисов, и потому воспринималась лишь как город-функция, обслуживающий всем необходимым для производства нефти и газа северные территории. В 1993 г. северные территории получили автономию — со своими органами власти и своими бюджетами, а Тюмень оставалась провинциальной столицей («Тю-

мень — столица деревень» как поговорка до сих пор популярна у жителей деревень).

После избрания главой Тюменской области в 2001 г. Сергей Собянин стремился интегрировать ХМАО, ЯНАО и юг Тюменской области на базе создания союза трех губернаторов и общего инвестиционного фонда. Он представил в Тюменскую областную думу соглашение о единой социально-экономической политике трех субъектов РФ на всей территории «тюменской матрешки». В область вернулись штаб-квартиры «Лукойла» и «Тюменской нефтяной компании»; пришли нефтесервисная компания Schlumberger, крупные ритейлеры, McDonald’s; частные инвесторы, которые вложились в жилищное строительство; стартовал амбициозный проект Антипинского нефтеперерабатывающего завода, а для любого региона собственный НПЗ — это не только нефтепереработка и рабочие места, но и серьезные налоги в местный бюджет. В пятилетний период губернаторства Сергея Собянина перераспределение доходов в пользу областного центра стимулировало всю социальную сферу жителей региона, появился значимый рост уровня и качества жизни населения; были заасфальтированы дороги, модернизирован аэропорт Роцино, реконструирован автовокзал и началась реконструкция железнодорожного вокзала; из центра Тюмени был вынесен вещевой рынок, разбит городской бульвар, разработан и начал внедряться новый генеральный план города, предусматривающий рост населения до миллиона человек. За время губернаторства Сергея Собянина в качестве реального результата возник феноменальный эффект колоссального роста бюджета Тюменской области с 10,5 млрд руб. до 119,9 млрд руб.

[39], направленный в основном на социально-экономические преобразования.

Ключевыми направлениями социально-экономической и политической деятельности губернатора Тюменской области Владимира Якушева (в этой должности утвержден соответственно 24 ноября 2005 г., 2 октября 2010 г. и 25 сентября 2014 г.) остаются те, которые позволяют обеспечить прорыв прежде всего в экономическом развитии региона. Его деятельность с самого начала была и остается выдержанной исключительно в стилистике «истории успеха», основанной на концептуальной установке на поиск и размещение инвестиций в индустриализацию. Кроме того, в 2006 г. в Администрации Тюменской области был учрежден департамент инвестиционной политики и государственной поддержки предпринимательства, который возглавил Вадим Шумков, — новое ведомство, ставшее центральным командным пунктом по реализации достижения бюджетной самостоятельности региона. В «первую пятилетку» (2006-2010 гг.) деятельности командой губернатора Владимира Якушева на территории юга Тюменской области было запланировано и реализовано 35 крупных инвестиционных проектов в промышленности, общая сумма которых составила порядка 7 млрд долларов, или 420 млрд руб. [35]; всего же объем инвестиций в основной капитал Тюменской области за этот период оказался равен 478 млрд руб. За «вторую пятилетку» (2011-2015 гг.) деятельности команды губернатора Владимира Якушева на территории юга Тюменской области было привлечено 1 099,4 млрд руб. инвестиций, то есть уже более чем в два раза по сравнению с первым периодом (таблица 3).

Таблица 3. Динамика инвестиций в основной капитал в Тюменской области (без АО), млрд руб., и в России, трлн руб.

Table 3. Dynamics of fixed investment in the Tyumen Region (excluding autonomous regions), billion rubles, and in Russia, trillion rubles

Регион / годы	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Тюмен. обл. (юг)	56,3	87,6	106,6	143,3	140,5	154,8	184,2	204,9	244,7	248,2	217,4
Россия в целом	3 611,1	4 730,0	6 716,2	8 781,6	7 976,0	9 152,1	11 035,7	12 586,1	13 450,2	13 902,6	13 897,2

Составлено по данным Росстата [47].

Compiled from the Rosstat [47].

Как оценил сам губернатор Владимир Якушев деятельность своей команды за последние десять лет (2007-2016 гг.), успехи развития юга Тюменской области — это более чем трехкратный рост промышленного производства, *фактически вторая индустриализация области*, причем за счет многовекторной диверсификации региональной экономики; более чем четырехкратный рост инвестиций в основной капитал; четырехкратный рост объемов вводимого жилья; более пятисот километров построенных и реконструированных дорог, сорок пять мостов; четырехкратный рост заработной платы работников бюджетной сферы, рост среднедушевых доходов населения в три с половиной раза; трехкратный рост объема ритейла (с учетом поправки на инфляцию). Успехи неоспоримы; все мы стали намного богаче, а также и сильнее, и умнее. Стабилен естественный прирост населения, идет рост рождаемости, количества многодетных семей, продолжительности и качества жизни. Имеет значение и то, что тюменские медицинские и образовательные учреждения сделали поистине свой «рывок в будущее», особенно по оснащенности новой техникой и технологиями.

Возникает естественный вопрос: «В чем глубинная, корневая причина наших успехов?» Ответ Владимира Якушева таков: «Наша политика была не только продуманной, рациональной, стратегически выверенной... наша политика была честной» [35]. В развернутом виде принцип честности лежит в основе того, что представители губернаторской команды «никогда не кривили душой перед федеральным центром, не выпрашивали подачек и послаблений; честно и прозрачно строили отношения с другими субъектами Федерации, прежде всего — с нашими северными партнерами и друзьями; никогда не обманывали инвесторов — ни зарубежных, ни российских; всегда вели себя честно с региональным предпринимательским сообществом — и вместе с ним выстраивали прозрачные, понятные правила игры; всегда были честны с муниципальными образованияами, с бюджетниками, с горожанами и селянами, с пенсионерами, со всеми

людьми, нуждающимися в особой социальной поддержке и заботе; никогда и никому не давали несбыточных обещаний; всегда исполняли свои обещания» [35]. Именно исходя из представленных паттернов действия элитарных коалиций и их ядра — губернаторской команды во главе с губернатором — Тюменская область была, есть и будет одним из опорных регионов России, который с честью и ответственностью исполняет свою особую миссию [35].

Если рассматривать приведенные исторические факты с точки зрения обозначенных выше неомарксистских, неоинституциональных, политико-культурных и властно-ориентированного подходов, то в качестве субъектно-личностных операционализаций и верификаций следует подчеркнуть, что с приходом в губернаторство Сергея Собянина и Владимира Якушева по сути дела начался принципиально новый процесс конвертации дипломатически обеспеченных высоких статусов — в бюджетные доходы, с последующим внедрением принципиально новых систем индустриализации в различных отраслях промышленности. Как естественное последствие, возник эффект поистине взрывного подъема реального сектора экономики юга Тюменской области. Как показывают реальные практики инвестирования и данные динамических рядов юга Тюменской области, это может быть сделано вполне успешно на отдельной территории (таблицы 1-3).

Главная проблема реиндустриализации — это инвестиции. Инвестор вкладывается туда, где более привлекательные места отдачи, где четкие правила игры, где сравнительно дешевая рабочая сила. Ключевое направление мышления хозяйствующих элит — это строительство новых промышленных предприятий, причем в разных отраслях промышленности. Базой новой индустриализации является современная индустрия, гибкая, развитая, потому что именно она — источник большинства налогов для бюджета и рабочих мест для населения. Новая индустриализация в Тюменской области имеет три фундаментальных основания. Первое — это запуск новых крупных для региона предприятий. Второе — это управление мультипликативным эффектом от запуска новых произ-

водств, встраивание и сопровождение административных властно-ориентированных решений в предпринимательские действия в процессе развития региональных отраслей, производных от роста промышленных производств, строительства, объектов инфраструктуры, ритейла, развивающегося вокруг промышленных предприятий, расширение сферы услуг. Поэтому сервисная сфера, включая общественное питание, небольшие бизнесы, привязывается к этой базе. Отсюда производится качественное улучшение среды обитания населения, жителей того или иного района юга Тюменской области. Третье основание новой индустриализации — создание экономически обоснованного сельского хозяйства, базирующегося на частной инициативе, развитии фермерских хозяйств. Одно из направлений изменения вектора мышления — это отказ от привычки хозяйствующих элит рассматривать сельское хозяйство как преимущественно дотационную отрасль.

Исходя из этого понимания, тюменская элита стала реализовывать ряд инвестиционных проектов, в первую очередь в индустриальной сфере в формате синхронно реализуемого портфеля инвестиционных проектов. Исключительно важны промышленные и инжиниринговые инвесторы — носители новых производственных компетенций. Прошедшее десятилетие (2007-2017 гг.) подтвердило этот инвестиционный имидж и было весьма щедрым на внедрение инвестиций в Тюменской области. Запущен в действие 21 новый крупный завод, все совершенно различной направленности: нефтепереработка, нефтехимия, металлургия, пищевая промышленность, рыбопереработка и разведение лучших видов рыбы, деревообработка, производство строительных материалов. «Тобольск-Полимер» «СИБУР Холдинга» выдал свой первый миллион тонн тюменского полимера (это 62,4 млрд руб. инвестиций и около пятисот рабочих мест); Уватский нефтедобывающий проект «Роснефти» (ранее — проект ТНК-ВР) вышел на стабильную планку годовой нефтедобычи в 11 миллионов тонн; введен в строй пусковой комплекс Антипинского нефтеперерабатывающего завода (объем инвестиций по третьей очереди 56,9 млрд руб., 140 млрд руб. по

проекту целиком, всего число новых рабочих мест 2,6 тыс.); глубина переработки достигла рекордных для отрасли 98%; «УГМК-Сталь» выдал первый миллион тонн тюменского металла (21,3 млрд руб. инвестиций и более тысячи новых рабочих мест); Тюменский «АминоСиб» внес огромный вклад в решение национальной задачи импортозамещения; в проектах по импортозамещению участвуют еще 57 тюменских предприятий.

Другие примеры индустриализации — 18 заводов поменьше, вместе с тем объем инвестиций составляет до 4 млрд рублей. В числе недавних запусков — цеха металлоконструкций и цеха железобетонных и арматурных изделий ОАО «Мостострой-11» [35, 50, 51]. В каждой отрасли есть свои свершения.

Индустриальная траектория роста Тюменской области в контексте истории ее социально-экономической укорененности реализуется в деловом бизнес-климате, в конструктивном отношении руководства области и представителей власти к инвесторам — мелким, средним и крупным, в их совместном желании искать и находить нестандартные пути создания новых рабочих мест и новых высокотехнологичных производств в регионе. Все это и многое другое говорит в пользу оптимальной региональной локализации новой промышленной политики, сопряженной с современными деловыми и административными практиками, которые реализуются в конечном счете в конструктивных процессах регионального управления, обеспечивающих кумулятивные эффекты траекторий роста индустриализации юга Тюменской области. Тот прорыв индустриализации, который мы наблюдаем, — это конструктивные последствия как работы якушевской команды власти, так и реализации концепции департамента инвестиционной политики и государственной поддержки предпринимательства Тюменской области.

Мы берем на себя смелость утверждать, что несмотря на то, что Тюменская область далеко не единственная из богатых нефтью и природным газом, однако именно здесь уже давно сформированы условия институционально-инвестиционной среды, которая всецело мотивирует и буквально

заставляет инвесторов, руководителей различных фирм и компаний вкладывать свои финансовые ресурсы в Тюменский регион в виде инвестиций в основную и человеческий капитал. В наличии имеется важнейший фактор качественного социального воспроизводства Тюменского региона — преемственность и стабильность проводимой инвестиционной и промышленной политики. Во всех случаях реализации инвестиционного проекта всегда участвуют органы местного самоуправления. Для них, как ответственных за сопровождение проектов, были внедрены соответствующие регламенты, в которых не только четко и внятно детализирована часть их работы, но и предусмотрены механизмы сопровождения и взаимодействия со всеми участниками инвестиционного процесса. Эти процедуры включают в себя не только консультации, но и реальную помощь в решении комплекса вопросов, связанных с технологическими подключениями, получением и оформлением земельных участков, разрешений на строительство и ввод в эксплуатацию. В этих реестрах более 330 инвестиционных проектов с объемом инвестиций более 1 трлн 300 млрд рублей, которые обеспечены всем необходимым для создания порядка 34 000 рабочих мест в реальном секторе экономики [50]. Элита Тюменской области вовремя осознала, что на одной нефти долго и хорошо прожить нельзя, и поэтому стала весьма успешно развивать нефтехимический кластер.

При этом главной задачей элит было встраивание в инвестиционный процесс. Импортозамещение не является панацеей для экономических проблем: импортозамещать нужно не продукцию, а технологии. Пока не будет отечественных технологий, всерьез говорить об импортозамещении невозможно [50, 51]. Сейчас поставлена амбициозная задача: провести удвоение показателей экономики Тюменской области к 2020 г. (от базы 2010 г.). Учитывая предыдущий десятилетний опыт деятельности в инвестиционной сфере, считается, что это вполне посильная задача для всех заинтересованных лиц Тюменской области. В качестве вывода важно подчеркнуть, что взрыв новой индустриализации в последние годы (2000–2017 гг.) в Тюменской области — это

успешные последствия постоянных инвестиций в социальную, экономическую и административную инфраструктуру, реальные результаты длительного и трудного процесса конструктивных конвертаций дипломатически и политически обеспеченных высоких доходов подавляющего большинства представителей тюменской элиты — в подъем реального сектора экономики.

ЭМПИРИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ: АВТОРСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье даются некоторые результаты авторских социологических исследований, имеющих ключевой характер как для подтверждения выдвинутых гипотез, так и сопрягающихся с экономическими и историческими результатами проведенных исследований. Нами изучалось общественное мнение и самооценки различных сторон жизни жителей Тюменской области (юг). Опрос производился с 6 мая по 4 июня 2016 г. по репрезентативной выборке. В задачи опроса входило: изучение мнения населения о социально-экономических, политических, демографических и иных проблемах области; выявление социально-политических приоритетов и ценностных ориентаций различных групп населения области; выработка рекомендаций для формирования стратегии деятельности Тюменской областной думы шестого созыва. Полученные данные исследований 2016 г. являли собой продолжение эмпирических исследований Тюменского региона в рамках проекта социокультурного портрета (2006, 2011, 2013, 2014, 2016 гг.) исследовательской группой Тюменского госуниверситета. Опрос проводился методом формализованного интервью. В используемом инструментарии содержались как общие для всех участников в проекте регионов России вопросы, так и вопросы, ориентированные на специфику Тюменского региона. В основе эмпирического проекта лежит концепция и инструментарий социокультурного подхода применительно к региону, которые были разработаны Н. И. Лапиным и Л. А. Беляевой, а реализованы командой единомышленников под руководством Г. Ф. Ромашкиной, В. А. Давыденко, Е. В. Андриановой и других сотрудников ТюмГУ.

Достоинством научно-эмпирического проекта является тот факт, что он позволил собрать сопоставимую социологическую информацию о социокультурных процессах, протекающих в регионах России и стране в целом, полученную по стандартизованным методикам. Тюменский регион в качестве объекта исследования рассматривается как территориальное сообщество, которое образовалось в результате деятельности социальных акторов (жителей региона, различных социальных групп и элит, выполняющих определенные функции социального действия) и служит социокультурной, экономической и политической средой, мотивирующей акторов на конкретные действия. Этот подход дал возможность определить общее и специфическое в социокультурном развитии Тюменского региона, выявить его характерные особенности, получить сравнимые данные об аналогичных процессах в других регионах России. Для сравнения привлекаются результаты эмпирических исследований, проведенных ранее на территории Тюменской области по сопоставимой методике¹. Проведенные за период 2006–2016 гг. эмпирические исследования в теоретико-методологическом плане основываются на концепции, методологическую основу которой составляют антропосоциетальный [24, 25 и др.] и социокультурный² подходы. Данные

анализируются в соответствии с методикой, опубликованной авторами [40].

Задачи эмпирического исследования решались при помощи следующих вопросов: изучение оценки качества жизни, социального самочувствия, правового и социального статуса региона, уровня его экономического развития населения Тюменской области; выявление значимости для различных групп населения области стоящих перед ними социально-экономических и политических проблем; выявление уровня доверия населения к органам власти и местного самоуправления, государственным и общественным институтам; анализ восприятия населением деятельности депутатов, оценка удовлетворенности информированностью о деятельности депутатов Тюменской областной думы; выявление социально-политических приоритетов и основных политических ценностных ориентаций различных групп населения области; получение данных по показателям реализации Стратегии деятельности Тюменской областной думы пятого созыва; выработка рекомендаций по законодательному регулированию отношений в социально-экономической, социально-политической и социокультурной сферах с учетом выявленных проблем и прогноза развития. Анализ данных осуществлен в межпоколенческом и поселенческом (город/село) разрезе, а также по наиболее значимым для населения проблемам, выявленным в ходе анализа данных на первом этапе. На этапе ввода и анализа данных проводился выборочный контроль интервьюеров на основании контрольных листов по телефонам респондентов. Генеральной совокупностью является население Тюменской области в возрасте от 18 лет. Численность населения региона старше 18 лет в 2014 г., по данным ФСГС по Тюменской области, составила 1 108 286 человек [12]. Для обеспечения репрезентативности выборка квотировалась по полу, возрасту и территории проживания (таблицы 4.1, 4.2, 4.3). Половозрастная структура выборки соответствует структуре населения региона старше 18 лет (таблица 4.4).

¹ На этапах 2006–2013 гг. работа по реализации социокультурного портрета Тюменского региона выполнялась при финансовой поддержке фонда РГНФ, (гранты № 06-03-00566а «Социокультурный портрет региона (Тюменская область)», № 09-08-00676а, № 12-03-00304а «Социокультурный мониторинг — портрет Тюменской области» (научный руководитель д. с. н., проф. Г. Ф. Ромашкина)), также при поддержке Тюменской областной думы («Исследование качества жизни и социального самочувствия населения Тюменской области (включая ХМАО, ЯНАО)», ГК № 75 от 6.07.2006), Государственного автономного учреждения «Информационно-аналитический центр Тюменской области» («Исследование качества жизни и социального самочувствия населения Тюменской области», договор № 6/212-11 от 08.04.2011 (научный руководитель д. с. н., проф. В. А. Давыденко)).

² В частности, в работах Н. И. Лапина [28]. Примеры реализации принципов социокультурного подхода в социологических исследованиях см., например, в работах Л. А. Беляевой [4].

Таблица 4.1. Структура генеральной совокупности в разрезе пола и возраста
Table 4.1. Structure of the general population by sex and age

Генеральная совокупность (человек)				%		
Тюменская область (юг)	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего
18-29 лет	138 760	138 126	276 886	12,52	12,46	24,98
30-39 лет	110 282	113 070	223 352	9,95	10,20	20,15
40-49 лет	83 352	90 051	173 403	7,52	8,13	15,65
50-59 лет	95 200	112 741	207 941	8,59	10,17	18,76
60 лет и старше	81 429	145 275	226 704	7,35	13,11	20,46
Всего населения старше 18 лет	509 023	599 263	1 108 286	45,93	54,07	100

Составлено по данным «Демографического ежегодника (2011-2015)» [12].
Compiled according to the “Demographic Yearbook (2011-2015)” [12].

Таблица 4.2. Территориальная структура генеральной совокупности
Table 4.2. Territorial structure of the general population

Тюменская область (юг)	Генеральная совокупность	
	Численность населения старше 18 лет	% от общего числа
Тюмень	545 012	49,18
Городское население (без Тюмени)	178 068	16,07
Сельские поселения	385 206	34,76
Итого	1 108 286	100

Составлено по данным «Демографического ежегодника (2011-2015)» [12].
Compiled according to the “Demographic Yearbook (2011-2015)” [12].

Таблица 4.3. Территориальная структура выборочной совокупности
Table 4.3. Territorial structure of a sample set

Тюменская область (юг)	Выборочная совокупность	
	Число респондентов	%
Тюмень	739	48,8
Городское население (без Тюмени)	251	16,6
Сельские поселения	524	34,6
Итого	1 514	100

Таблица 4.4. Распределение респондентов по полу и возрасту (старше 18 лет)
Table 4.4. The distribution of the respondents by sex and age (over 18 years)

Выборочная совокупность (человек)				%		
Тюменская обл. (юг)	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего
18-29 лет	190	197	377	12,5%	12,4%	24,9%
30-39 лет	150	154	304	9,9%	10,2%	20,1%
40-49 лет	117	124	241	7,7%	8,2%	15,9%
50-59 лет	127	156	283	8,4%	10,3%	18,7%
60 лет и старше	112	197	309	7,4%	13%	20,4%
Все население	696	818	1 514	46%	54%	100%

Выборка построена пропорционально численности населения, отбор респондентов проводился согласно маршруту опроса и квотному заданию. Опрос проводился с 6 мая по 4 июня 2016 г.

Территориальная структура выборки соответствует распределению населения в Тюменской области. Опрос был проведен во всех городах юга Тюменской области и в 10 муниципальных районах.

Объем выборочной совокупности составил $n = 1\,514$ чел. При доверительной вероятности 95% ошибка выборки по одному признаку составляет $\Delta < 2,8\%$ ¹. Структура выборки по полу, возрасту, типу населенных пунктов соответствует структуре населения Тюменской области (без автономных округов).

В статье представляем данные оценки уровня «социального самочувствия» жителей региона, которое, на наш взгляд, фиксирует контекст темы истории «социально-экономической укорененности» в Тюменской области. В целом концепт социального самочувствия представляет собой некую общую эмоционально-оценочную реакцию людей на экономические, политические и социальные изменения в регионе и свое положение в трансформирующемся обществе. С точки зрения реинтерпретации и верификации антропосоциетальной парадигмы Н. И. Лапина к структуре модернизационных процессов общества, оно осуществляется по следующим компонентам: технико-технологической (анализ деиндустриализации); социоэкономической (относительно позитивная динамика в 2000-2016 гг.); социокультурной (сравнительно позитивная динамика 2000-2016 гг.); институционально-регулятивной (архаичные практики авторитарного этатизма в 2000-2016 гг. и корпоративного этатизма в 1980-2016 гг.) [23, 26]. Несмотря на кажущуюся «субъективность», социальное самочувствие в своем интегральном фокусе, являясь комплексным показателем восприятия комфортности своего существования, вместе с тем должно рассматриваться и как важнейший критерий

осуществляемых по представленным компонентам, в том числе очевидных технико-технологических и производственных изменений, отражающих процессы реиндустриализации в Тюменской области. Указанное замечание обусловлено тем, что нормальное социальное самочувствие, с одной стороны, обеспечивается самим индивидом, с другой стороны, — той региональной властью, которая определяет параметры экономических, социальных, политических процессов в своем регионе.

Оценка социального самочувствия включает замер трех основных компонентов: степени защищенности от основных социальных опасностей, степени удовлетворенности своей жизнью в целом и степени социального оптимизма (по методике «Социокультурный портрет региона» [27]). Уровень защищенности населения от проблем-опасностей оценивался по ответам на вопрос: «Насколько сегодня Вы лично чувствуете себя защищенным от различных опасностей?», в котором содержится перечень 10 опасных проблем. Это преступность, бедность, произвол чиновников, экологическая угроза и т. д., но уровень ощущения этих угроз имеет существенную межрегиональную дифференциацию (табл. 4.5).

В наших публикациях по итогам социокультурного мониторинга неоднократно подчеркивалось, что проблемы-опасности, наиболее актуальные как для жителей Тюменской области (и ее отдельных субъектов), так и для России в целом, совпадают. По сравнению с 2006 г. снизилась острота восприятия этих базовых проблем, причем в Тюменской области доля ощущающих свою незащищенность перед этими социальными проблемами на 15% меньше, чем в целом по России (таблица 4.5). Уровень незащищенности считается как сумма ответов («совсем не защищен» + «пожалуй, не защищен») и выражен в % от числа опрошенных. В Тюменской области уровень незащищенности снизился по первым пяти в рейтинге проблемам-опасностям, вследствие чего иерархия проблем-опасностей изменилась: это бедность, произвол чиновников, преступность, произвол правоохранительных органов. Показатель бедности впервые за все годы мониторинга

¹ Расчет ошибки выборки осуществлялся по формуле Паниотто: $\Delta \approx \sqrt{1/n - 1/N}$.

вышел на первое место по уровню незащищенности, но доля упоминаний снизилась с 52% в 2006 г. до 43% в 2016 г. Общий уровень защищенности от проблем-опасностей в итоге повысился до значения 0,57, и это самый высокий за весь период наблюдений уровень. Зависимость индекса защищенности от основных социально-демографических групп представлена в таблице 4.5.

Следующая составляющая социального самочувствия — степень удовлетворенности своей жизнью в целом. За 10 лет (с 2006 по 2016 г.) в Тюменской области доля удовлетворенных своей жизнью (варианты ответов «полностью удовлетворен» и «скорее удовлетворен») выросла на 12% и составила 67% (таблица 4.6), что вполне согласуется с объективными показателями роста уровня и качества жизни на юге Тюменской области.

Таблица 4.5. Уровень незащищенности* жителей Тюменской области от острых проблем-опасностей, % от числа ответивших в 2006-2016 гг.

Table 4.5. The level of insecurity* of residents of the Tyumen Region from acute problems-dangers, % of respondents in 2006-2016.

Виды опасностей	Тюменская область				
	2006	2009	2011	2013	2016
Бедность	53	53	48	47	43
Произвол чиновников	52	46	47	49	38
Преступность	57	60	50	48	36
Произвол правоохранительных органов	46	44	39	41	31
Одиночество и заброшенность	36	37	30	30	28
Экологическая угроза	49	39	44	44	27
Преследования за политические убеждения	16	21	19	21	18
Притеснения из-за возраста или пола	22	24	22	16	14
Притеснения за религиозные убеждения	6	14	12	9	7
Ущемление из-за национальности	7	15	12	10	7
Среднее (по 10 проблемам)	34	35	32	32	25
Кз**	0,52	0,52	0,50	0,51	0,57

Примечание: * Уровень незащищенности вычисляется как сумма ответов «совсем не защищен», «пожалуй, не защищен».

** Индекс защищенности по каждой из 10 проблем-опасностей Кз (частное) считается как средневзвешенное по формуле $(4 \cdot \text{Доля ответов «полностью защищен»} + 3 \cdot \text{Доля ответов «пожалуй, защищен»} + 2 \cdot \text{Доля ответов «трудно сказать»} + 1 \cdot \text{Доля ответов «пожалуй, не защищен»} + 0 \cdot \text{Доля ответов «совсем не защищен»}) / (100 - \text{Доля «затрудняюсь», «нет ответов»}) \cdot 4$. Кз определяется как сумма средних значений защищенности населения от 10 социальных опасностей (ответы на 10 вопросов, Кз (частное)), преобразованная в шкалу от 0 до 1, где минимальное значение 0 показывает, что все население региона считает себя незащищенным, а максимальное значение 1 означает, что все население считает себя полностью защищенным от всех видов опасностей-угроз.

Notes: * The level of insecurity is calculated as the sum of the answers «not at all protected», «perhaps not protected».

** The security index for each of the 10 hazard problems Кз (private) is considered as a weighed average by the formula $(4 \cdot \text{The share of answers “fully protected”} + 3 \cdot \text{The percentage of answers “probably protected”} + 2 \cdot \text{The share of answers “difficult to say”} + 1 \cdot \text{The percentage of answers “probably not protected”} + 0 \cdot \text{The share of answers “not at all protected”}) / (100 - \text{“I find it difficult”, “no answers”}) \cdot 4$. Кз is defined as the sum of the average values of population protection from 10 social hazards (answers to 10 questions, Кз (private)) transformed into a scale from 0 to 1, where the minimum value of 0 indicates that the entire population of the region considers itself unprotected, and the maximum value of 1 means that the whole population considers itself completely protected from all types of threats-threats

Учитывая относительно высокое качество жизни в Тюменской области по сравнению со многими другими регионами России, индекс социального самочувствия выше общероссийского уровня, и по сравнению с 2013 г. его значение не изменилось, равняясь 0,6 (таблица 4.7).

Таблица 4.6. Насколько жители Тюменской области удовлетворены своей жизнью в целом (в % от числа опрошенных, 2006-2016 гг.)
Table 4.6. To what extent the Tyumen Region residents are satisfied with their lives as a whole (in % of the number of respondents, 2006–2016)

Варианты ответов	2006	2009	2011	2013	2016
Удовлетворены ¹	49	55	54	63	67
Затруднились ²	16	21	19	17	14
Не удовлетворены ³	35	24	27	20	19
Итого	100	100	100	100	100
Куж*	0,55	0,60	0,60	0,65	0,67

Примечание: ¹ суммировались ответы «полностью удовлетворены», «скорее удовлетворены».

² суммировались ответы «затрудняюсь», «отказ от ответа».

³ суммировались ответы «не очень удовлетворены», «совсем не удовлетворены».

* Куж (коэффициент удовлетворенности жизнью) в целом считается как средневзвешенная баллов

Notes: ¹ the sum of the answers “fully satisfied”, “rather satisfied”;

² the sum of the answers “I find it difficult”, “refusal to answer”;

³ the sum of the answers “not very satisfied”, “not at all satisfied”;

* Куж — coefficient of satisfaction with life in general — is considered as a weighed average score

Рассмотрим динамику составляющих индекса социального самочувствия за 2006-2016 гг. (рис. 1).

Коэффициент социального оптимизма в 2016 г. значительно снизился, и это произошло впервые за все периоды опросов (2006-2016 гг.). Можем утверждать, что это произошло скорее всего потому, что люди очень существенно снизили оценки своего текущего состояния и тактического оптимизма. Ответы на вопрос «*Вы и Ваша семья стали жить лучше по сравнению с прошлым годом или хуже?*» в среднем для всех жителей Тюменской области составили: 16% стали жить лучше (сумма двух положительных вариантов), у 37% ничего не изменилось, и 40% стали жить хуже; уклонившихся от ответа — 6%. Жители региона в 2016 г. снизили свои оценки тактического оптимизма (ответы на вопрос 29 «*Как Вы думаете, в ближайшем году Вы и Ваша семья будете жить лучше, чем сегодня, или хуже?*»): 32% надеются в ближайшем году жить лучше, чем сегодня, 29% на изменения не надеются, и 13% ожидают ухудшения в своей жизни. В ответах на вопрос «*Насколько Вы сегодня уверены или не уверены в своем будущем?*» (стратегический оптимизм) 53% уверены в будущем, 29% сомневаются, и 18% не уверены в своем будущем. То есть стратегический оптимизм наших граждан остается высоким, и он практически подобен динамике общей удовлетворенности жизнью в целом. Подводя итоги, можно отметить, что «в среднем по больнице» жители региона ощущают значительное ухудшение обстоятельств своей жизни, не очень

Таблица 4.7. Составляющие коэффициента социального самочувствия (2006-2016 гг.)
Table 4.7. The components of the social well-being coefficient (2006–2016)

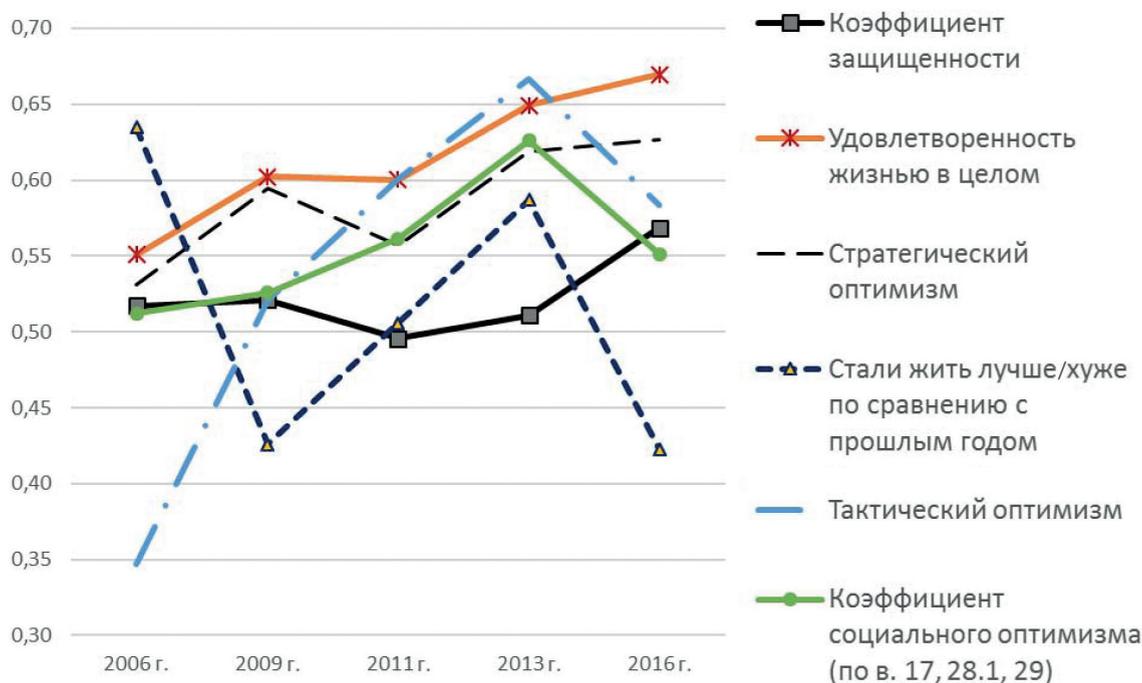
	2006	2009	2011	2013	2016
Коэффициент защищенности (по в. 46)	0,52	0,52	0,50	0,51	0,57
Коэффициент удовлетворенности жизнью в целом (по в. 18)	0,55	0,60	0,60	0,65	0,67
Уверенность в будущем — стратегический оптимизм (по в. 17)	0,53	0,59	0,56	0,62	0,63
Стали жить лучше/хуже по сравнению с прошлым годом (по в. 28.1)	0,63	0,43	0,51	0,59	0,42
Оценка ближайшего года — тактический оптимизм (по в. 29)	0,35	0,52	0,60	0,67	0,58
Коэффициент социального оптимизма (по в. 17, 28.1, 29)	0,51	0,53	0,56	0,63	0,55
Социальное самочувствие — сводный индекс	0,53	0,55	0,56	0,60	0,60

надеются на улучшения в ближайшем 2017 г., но сохраняют уверенность в будущем как стратегический оптимизм, поэтому индекс социального самочувствия остается на том же уровне, что и в 2013 г. В целом женщины чувствуют себя менее защищенными, они менее оптимистичны и менее удовлетворены своей жизнью, чем мужчины, и эти различия статистически устойчивы.

Межпоколенные различия демонстрируют устойчивое снижение всех составляющих социального самочувствия с возрастом. Различий по типу поселения практически нет. Четко видно, что семейный статус «разведены» или «вдовец\вдова» снижает уровень защищенности, социального оптимизма и общей удовлетворенности в жизни. У тех, кто обозначил свое семейное положение «вдовец\вдова», самый низкий уровень социального самочувствия (0,49). Наличие детей не оказывает статистически значимого влияния на уровень социального

самочувствия. Статистически значимо влияет на уровень социального самочувствия квалификация работника и его образование. Чем ниже уровень образования и квалификации человека, тем ниже уровень его социального самочувствия. Так, для неквалифицированных работников в среднем $I_{сс} = 0,53$, для работников в сельском хозяйстве $I_{сс} = 0,55$. И напротив, у работников государственного правления $I_{сс} = 0,65$, у руководителей высшего звена $I_{сс} = 0,64$. Все это привело к тому, что уровень социального самочувствия жителей региона остается высоким, и он на 7 процентных пунктов выше, чем в 2006 г. Таким образом, в настоящее время жители Тюменского региона ощущают существенное ухудшение текущей социально-экономической ситуации. Вместе с тем очевиден парадокс: они сохраняют высокий уровень стратегического оптимизма и надеются на улучшение в будущем, пусть и не в ближайшие годы.

Рис. 1. Динамика составляющих индекса социального самочувствия, 2006–2016 гг.
Fig. 1. Dynamics of the components of the social well-being index, 2006–2016

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Расчеты и оценки, приводимые в данной статье, важны не сами по себе; они есть аргументы в поиске ответов на главный вопрос, связанный с целью работы, а именно: показать возможные индустриальные траектории роста Тюменского региона в контексте его истории и социально-экономической укорененности, сделав упор на выявление формальных и неформальных механизмов взаимодействия элитарных региональных групп, реально поддерживающих новую индустриализацию экономики, инвестиции и соответствующие им общероссийские и региональные интересы, что проявляется также в ответах на вопросы проведенных авторами социологических исследований. Результаты исследования увязываются также с главной проблемой статьи, которая отражает четкие описания и варианты разрешения противоречий между внедрением новых систем индустриализации в различных отраслях промышленности, связанных в том числе с убывающей и возрастающей отдачей промышленных производств Тюменской области. В статье проведены операционализация и верификация современных проблем элитарных коалиций в контексте необходимости новой индустриализации в направлении формирования групп от перераспределительных интересов к региональным и общим интересам, и выявлены базовые мотивы и стимулы властвующей элиты для реализации этой концепции. Главная проблема реиндустриализации — это инвестиции, и в статье показано, что в Тюменской области она решается достаточно успешно.

Проблемы внедрения систем новой индустриализации, связанные с возрастающей отдачей, представлены в новой экономической социологии в русле *властно-ориентированного подхода* (power-oriented approach), который весьма четко выявил секрет регионального успеха — формирование команд властной региональной элиты, когда приходят наиболее эффективные и результативные люди и осуществляется ежедневное конструктивное дви-

жение к заданной цели, демонстрирующее их личный вклад в ее достижение.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что на основании статистических, социологических, исторических данных показано, что в Тюменской области местной элитой выбрана траектория развития новой индустрии, базирующейся на генерации добавленной стоимости и включенности (укорененности) статусных и властных элит в контексте ее зримой истории. Реиндустриализация Тюменской области включает внедрение высоких технологий, в том числе социоэкономических и институциональных. Региональные власти выстраивают успешную экономику в региональных границах субъекта РФ, с тем чтобы Тюменский регион самостоятельно зарабатывал и тратил, обеспечивая в т. ч. высокое качество жизни жителей региона, что верифицируется ростом показателей их социального самочувствия. Региональная прибыль полностью не оседает в карманах только чиновников, политиков и бизнесменов, но расходуется на благо местного населения. Региональная элита Тюменской области сделала ставку на реиндустриализацию и диверсификацию экономики по отраслевым моделям развития, базирующимся в основном на переработке продуктов нефтегазовой отрасли. По признаку промышленного роста видим устойчивый положительный тренд развития территории юга Тюменской области, не только в сегменте переработки углеводородов, но также и в инфраструктурных и обрабатывающих производствах, в строительстве (строительный кластер — один из основных драйверов роста юга Тюменской области, особенно жилищное строительство), других отраслях, на которые региональным правительством делаются инвестиционные ставки (как указывали выше, это агрокомплекс, пищевая промышленность, производство строительных материалов, машиностроение, металлургия).

С позиций институционального подхода значение имеет, как именно определяются поведенческие паттерны элит. В Тюменской области распространена такая известная всем структура экономического поведения элит, когда инструмен-

тарное поведение преобладает над церемониальным. Инструментарные ценности элит Тюменского региона состоят в приоритетах экономической эффективности и технической результативности, а вторичными являются церемониальные ценности, которые заключаются в предпочтении обладания властью и демонстрации высокого социального статуса. Для отладки инвестиционного процесса механизм совместной работы чиновников и предпринимателей поставлен на поток по цепочке от переговоров о строительстве нового завода до его ввода в эксплуатацию и на всех уровнях: от регионального, с привлечением федеральных структур, до муниципального. Масштабное строительство новых предприятий — сложный и длительный многоступенчатый процесс, предполагающий вовлечение в него самых разных заинтересованных сторон и групп элит. Исполнительная власть привлекает инвесторов, обеспечивая вход в регион, координирует усилия остальных групп элит для реализации инвестиционных проектов. Если законодательная власть поддерживает процессы реиндустриализации в правовом поле, то муниципальные власти поддерживают новые проекты на местах. В свою очередь, федеральные и региональные надзорные органы выдают согласовательную и разрешительную документацию. Бизнес-сообщество реализует инвестиционные проекты и управляет предприятиями новой экономики. Общественные организации оценивают проекты реиндустриализации с точки зрения повышения качества жизни людей, их принятие (отклонение) местными сообществами. Вывод: Тюменская область построила эффективную систему управления инвестиционным процессом, базирующуюся на решении трех главных задач: полное исключение поборов с инвесторов, организация сопровождения по всей цепочке строительства, предоставление инвестору финансовых преференций, помощь в инженерной инфраструктуре. Опыт такой работы позволяет предположить, что если задачи в регионе не решены, то они являются тормозом экономического развития, если решены — тем промышленным импульсом регионального развития, который ориентирован на возрастающую отдачу от вложений.

НОВИЗНА ИССЛЕДОВАНИЯ

Показан ценный опыт реиндустриализации Тюменской области как пример конструктивных изменений коллективных действий, групп региональных интересов, социальных ценностей и форм капитала, зависимости от предшествующей постсоветской траектории развития; получено новое приращение знаний, углубление понимания самой сути современной реиндустриализации в Тюменской области, ее социокультурных, социальноэкономических и институциональных компонент с точки зрения вызовов, стимулов, мотивов, ограничений и последствий.

Подтвердилась гипотеза о том, что местные элиты совместно работают над претворением концепции внедрения новой промышленной политики в жизнь, имея устойчивую обратную связь со всеми социальными стратами населения, посредством чего они вовлекаются в реализацию стратегических курсов своего развития. Тюменская элита уникальна своей сплоченностью. Местные жители живут в рамках жесткой корпоративной системы региона, где плата за неисполнение распоряжения начальства достаточно высока. В результате все ключевые вопросы в Тюменской области решаются быстрее, легче и с меньшими затратами, чем в случае какого-либо не нефтяного региона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ВЫВОДЫ

Главное утверждение данной статьи состоит в том, что представители государства — бюрократы, политики, чиновники, предприниматели и работники, граждане, жители регионов — ответственны за достижение согласия по созданию стабильных условий, которые позволят собственникам и управленцам учреждать высокоэффективные предприятия, фирмы, корпорации и рынки. На примере Тюменской области продемонстрирована способность стабилизировать их с помощью конструктивных концепций контроля властной элитой, что является также историческим и культурным продуктом, который представители государства и его граждане предоставляют как общедоступное благо.

Новая индустриализация, экономический рост и создание богатства были бы невозможны без формальных и неформальных норм и правил, конституирующих взаимно приемлемые социальные взаимоотношения. В то же время формирование приемлемых прав собственности, структур управления, концепций контроля и правил обмена является результатом политического и исторического процессов, посредством которого устанавливается баланс сил между государством, фирмами (предприятиями) и работниками. Этот процесс создает институциональный фон для последующего экономического развития и внедрения новых индустриальных систем, позволяющих предприятиям и фирмам получать прибыль, а бюрократам, политикам, чиновникам, предпринимателям, работникам, жителям регионов — вкладываться в свое будущее.

Руководство юга Тюменской области за последние десять лет сумело конвертировать ресурсы, полученные от сырьевой ренты, в двукратный промышленный индустриальный взлет и намерено успешно повторить этот результат к 2020 г., несмотря на новые вызовы по импортозамещению и отсутствие зарубежного кредитования. Законодательная власть обеспечивает правовую поддержку процесса новой индустриализации. Муниципальные власти реализуют поддержку проекта на местах. Федеральные и региональные надзорные органы также участвуют в реиндустриализации, обеспечивая своевременную выдачу согласовательной и разрешительной документации. Бизнес-сообществу поручается самая ответственная задача по реализации инвестиционных проектов в жизнь и управлению предприятиями новой экономики. Общественные организации тоже не остаются в стороне: их оценка проектов новой индустриализации с точки зрения повышения качества жизни людей и их принятие (или отклонение) местными сообществами имеет большое значение для распростра-

нения правдивой информации среди жителей региона. Все это позволяет обозначить процессы интенсивного развития указанных отраслей, расположенных на территории юга Тюменской области, как «*инвестиции в индустриализацию*», которые показывают, как инвесторы и чиновники совместно работают на долгосрочные реальные результаты уникально и динамично развивающегося региона.

Итак, если рассматривать ключевые данные индустриальной траектории роста Тюменской области в историческом ракурсе, то следует подчеркнуть, что элита области сумела консолидироваться и выстроить достаточно эффективную систему управления инвестиционными процессами, в сопряжении с постоянно реализуемыми практиками ее социально-экономической и исторической укорененности в эффективные социальные отношения, базирующуюся на решении трех главных задач в сфере реиндустриализации: организации сопровождения по всей цепочке строительства завода инвесторов, полного исключения каких-либо поборов с инвесторов, предоставления им финансовых преференций и помощи в строительстве инженерной инфраструктуры. Все это позволяет утверждать, что если задачи по реиндустриализации в регионе еще не решены, то они становятся тормозом регионального экономического развития, а если успешно решаются — то тем промышленным импульсом регионального экономического развития, который ориентирован на возрастающую отдачу от инвестиций и других вложений в свое будущее.

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-03-00500 по теме: «Возможности и ограничения новой индустриализации и противоречия социокультурного пространства: на примере Тюменского региона». Тюменский государственный университет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амосов А. Об экономическом механизме нового индустриального развития / А. Амосов // Экономист. 2014. № 2. С. 3-12.
2. Артур Б. Возрастающая отдача и два мира бизнеса / Б. Артур // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2005. Т. 3. № 4. С. 7.
3. Балашов А. Реиндустриализация российской экономики и развитие оборонно-промышленного комплекса / А. Балашов, Я. Мартыанова // Вопросы экономики. 2015. № 9. С. 31-44.
4. Беляева Л. А. Культурный и социальный капитал и напряженность социального пространства России / Л. А. Беляева // Общественные науки и современность. 2013. № 5. С. 51-64.
5. Бодрунов С. Д. Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски / С. Д. Бодрунов, Р. С. Гринберг, Д. Е. Сорокин // Экономическое возрождение России. 2013. № 1. С. 19-49.
6. Бьюкенен Дж. М. Сочинения / Дж. М. Бьюкенен; пер. с англ.; Фонд экономической инициативы. Гл. ред. кол.: Р. М. Нуреев и др. М.: Таурис Альфа, 1997. Т. 1. 560 с. (Нобелевские лауреаты по экономике).
7. В. В. Путин провозгласил курс на новую индустриализацию // Ведомости. 2011. 11 мая.
8. Вебер М. Основные социологические понятия / М. Вебер // Избранные произведения / М. Вебер. М.: Прогресс, 1990. С. 602-603, 625-626.
9. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Общности / М. Вебер // Экономическая социология. 2017. Т. 18. № 1. С. 13-27.
10. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. / М. Вебер; пер. с нем.; сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина; НИУ ВШЭ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 445 с. Перевод изд.: Weber Max. Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie. 5. revidierte Aufl. Besorgt von Johannes Winckelmann. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1972.
11. Вольчик В. В. Институциональные изменения в периферийных регионах: роль гражданских институтов / В. В. Вольчик, В. В. Кот // Terra Economicus. 2013. Т. 11. № 4. С. 19.
12. Демографический ежегодник (2011-2015): Стат. сб.: в 3 частях / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. Тюмень, 2015. Ч. 3. 309 с.
13. Дмитриев М. Э. Анализ факторов реализации документов стратегического планирования верхнего уровня. Аналитический доклад / М. Э. Дмитриев. Санкт-Петербург, 2016.
URL: <http://polit.ru/media/files/2016/12/27/Report-on-strategy.pdf> (дата обращения: 28.12.2016).
14. Доббин Ф. Формирование промышленной политики: Соединенные Штаты, Великобритания и Франция в период становления железнодорожной отрасли / Ф. Доббин; пер. с англ. Е. Б. Головляничиной, науч. ред. В. В. Радаев; НИУ ВШЭ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 368 с. (Социальная теория).
15. Доклад о социально-экономической ситуации в Ямало-Ненецком автономном округе за 2015 год // Департамент экономики Ямало-Ненецкого автономного округа. Салехард, 2016.
URL: <http://de.gov.yanao.ru/ser%C2%ADyanao?id=69> (дата обращения: 31.01.2017).
16. Дубенецкий Я. Н. Реиндустриализация: практические шаги / Я. Н. Дубенецкий // Мир новой экономики. 2014. № 2. С. 13-20.
17. Зубаревич Н. Четыре России отменяются / Н. Зубаревич // Новая газета 20.12.2014. Политика. Выпуск № 144. 2014. 22 декабря.
18. Зубаревич Н. Экономика: Ни денег, ни свободы / Н. Зубаревич // Ведомости. 2016. 29 декабря.
19. Ивантер В. В. Основные положения концепции инновационной индустриализации России / В. В. Ивантер, Н. И. Комков // Проблемы прогнозирования. 2012. № 5. С. 3-12.
20. Иноземцев В. Стратегия развития: Выбор приоритетов / В. Иноземцев // Ведомости. 2013. 6 августа.
21. Иноземцев В. Стратегия развития: Жить за счет ресурсов / В. Иноземцев // Ведомости. 2013. 7 августа.

22. Институциональная среда «новой индустриализации» экономики России: сборник / под ред. Е. Б. Ленчук. М.: Институт экономики РАН, 2014. 264 с.
23. Лапин Н. И. Актуальные теоретико-методологические аспекты исследований российской модернизации / Н. И. Лапин // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 5-10.
24. Лапин Н. И. Антропосоциетальный подход / Н. И. Лапин // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Том IX. Вып. 3.
25. Лапин Н. И. Антропосоциетальный подход: методологические основания, социологические измерения / Н. И. Лапин // Вопросы философии. 2005. № 2. С. 17-29.
26. Лапин Н. И. Проблемы формирования концепции и человеческих измерений стратегии поэтапной модернизации России и ее регионов / Н. И. Лапин // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 8-19.
27. Лапин Н. И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация — 2010) / Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. М.: МФРАН, 2010.
28. Лапин Н. И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры / Н. И. Лапин // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 3-12.
29. Ленчук Е. Б. Роль «новой индустриализации» в формировании инновационной экономики России / Е. Б. Ленчук // Институциональная среда «новой индустриализации» экономики России / под ред. Е. Б. Ленчук. М.: Институт экономики РАН, 2014. С. 12-43.
30. Министр экономики Максим Орешкин о старых и новых задачах министерства // Коммерсантъ. 2017. 8 января.
31. Одно «но» // Эксперт Урал. 2007. 26 ноября // URL: <http://www.acexpert.ru/archive/44-307/odno-no.html>
32. Основные итоги социально-экономического развития Тюменской области (без автономных округов) за 2015 год. URL: http://admtymen.ru/ogv_ru/finance/economics/results/more.htm?id=11356316@cmsArticle (дата обращения: 31.01.2017).
33. Отчет Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа — Югры о результатах деятельности Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2015 году. URL: [http://www.dumahmao.ru/povest/povest_5705\(1\)/07/33.pdf](http://www.dumahmao.ru/povest/povest_5705(1)/07/33.pdf) (дата обращения: 31.01.2017).
34. Полтерович В. М. Кризис экономической теории. Доклад на научном семинаре Отделения экономики и ЦЭМИ РАН «Неизвестная экономика». 1997 / В. М. Полтерович // ЦЭМИ РАН. URL: http://www.nbrilev.ru/krizis_economic_theory_.htm
35. Послание Губернатора Тюменской области В. В. Якушева областной Думе «О положении дел в области и перспективах ее развития». 2016 год. URL: https://gubernator.admtymen.ru/governor_to/ru/interviews/messages.htm
36. Радаев В. В. Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы / В. В. Радаев // Экономическая социология: электронный журнал. 2001. Том 2. № 3. С. 5-26.
37. Реиндустриализация экономики России в условиях новых угроз / под ред. С. Д. Валентя. М.: ФГБОУ ВПО РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2015. Вып. 2. (Науч. доклады РЭУ).
38. Сергей Корепанов об итогах 2016-го и планах на 2017 год: главная задача Тюменской области — обеспечение условий роста региональной экономики и выполнение социальных обязательств // Тюменская областная Дума. Официальный портал. 30 января 2016 г. URL: <http://www.duma72.ru/ru/arena/new/news/609/47865/>
39. Сергей Семенович. Вот он какой // Новая газета. 2010. 18 октября. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2010/10/18/1080-sergey-semenovich-vot-on-kakoy>
40. Социокультурная динамика — портрет Тюменской области: коллективная монография / науч. ред. Г. Ф. Ромашкина, В. А. Давыденко. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2015. 358 с.
41. Стратегия инновационного развития РФ на период до 2020 г. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227 р; Государственная программа РФ «Развитие

- промышленности и повышение ее конкурентоспособности на период до 2020 г.». Утверждена распоряжением Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 2539 р; Государственная программа развития науки и технологий. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 20 декабря 2012 г. № 2433 р; Государственная программа РФ «Развитие экономики и инновационная экономика». Утверждена распоряжением Правительства РФ от 29 марта 2013 г. № 467 р.
42. Теория и методология истории / отв. ред. В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин. Волгоград: Учитель, 2014. 504 с.
 43. Указы Президента РФ об основных направлениях социально экономического развития России от 7 мая 2012 г. № 596-606.
 44. Федеральная антимонопольная служба подготовила президентский указ о снижении государственного участия в экономике // РБК. 2017. 8 февраля.
 45. Федеральная служба государственной статистики (Росстат).
URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/industrial/#
(дата обращения: 10.01.2017).
 46. Федеральная служба государственной статистики (Росстат).
URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#
(дата обращения: 31.01.2017 г.).
 47. Федеральная служба государственной статистики (Росстат).
URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/34475.do> (дата публикации Росстатом: 02.02.2017, дата обращения: 10.02.2017).
 48. Флигстин Н. Архитектура рынков: экономическая социология капиталистических обществ XXI века / Н. Флигстин; пер. с англ. А. А. Куракина; науч. ред. В. В. Радаев; НИУ ВШЭ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 392 с. (Социальная теория).
 49. Цветков В. Мы должны свои «недостатки» превращать в достоинства // Российская Федерация сегодня. 2013. № 11.
 50. Шумков В. М. Административные технологии сопровождения инвесторов в Тюменской области / В. М. Шумков // Налоги, инвестиции, капитал. 2015. № 1 (100). С. 64-66.
 51. Шумков В. М. Тюменская экономика продолжит расти / В. М. Шумков // Тюменская линия от 31 декабря 2016. URL: <http://t-l.ru/219959.html> (дата обращения: 10.01.2017).
 52. Baker W. E. The Social Structure of a National Securities Market / W. E. Baker // American Journal of Sociology. 1984. Vol. 89. № 4. Pp. 775-811.
 53. Biggart N. Charismatic Capitalism: Direct Selling Organizations in America / N. Biggart. Chicago: University of Chicago Press, 1998.
 54. Fligstein N. The Transformation of Corporate Control / N. Fligstein. Cambridge: Harvard University Press, 1990.
 55. The New Institutionalism in Organizational Analysis / W. Powell, P. DiMaggio (eds.). Chicago: University of Chicago Press, 1991.
 56. Zukin S. Introduction / S. Zukin, P. DiMaggio // Structures of Capital: The Social Organization of the Economy / S. Zukin, P. DiMaggio (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1990. Pp. 1-36.

The Industrial Growth Path of the Tyumen Region in the Context of the History of Its Social-Economic Embeddedness

Elena V. Andrianova¹, Vladimir A. Davydenko², Gulnara F. Romashkina³

¹ Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, University of Tyumen
e.a.andrianova@utmn.ru

² Dr. Sci. (Soc.), Associate Professor, University of Tyumen
vlad_davidenko@mail.ru

³ Dr. Sci. (Soc.), Associate Professor, University of Tyumen
g.f.romashkina@utmn.ru

Abstract. This article presents an analysis of academic sources; theoretical approaches and methodologies of researching processes of new industrialization and adjacent social-cultural space as its core; construction of the technique for determining the current positions of macro-, meso- and microactors, revealing their interests; examples of real practices and dominating lines of economical behaviour in the context of industrial growth path of the Tyumen Region. The authors provide empirical, theoretical and methodological studies of the new industrialization, its possibilities and limitations on the example of the Tyumen Region. They disclose the problems and contradictions of the sociocultural regional space, taken in the historical, sociocultural and socioeconomic contexts. This paper emphasises the fact that institutions and technologies are associated with formal and informal practices embodying social norms, implicit knowledge, which reproduce (both politically and socially) the entire spectrum of structured interactions between groups of different status and the regional elites. The authors consider the phenomenon of increasing return on investment in the framework of this study as the most important characteristic of modern societal and technical-technological processes. They see the introduction of new technologies and the innovative activity of elites through the prism of both their direct and indirect influence on the industrial trajectory of the growth of the Tyumen Region. The latter is represented from the historical, socioeconomic, structural, cultural, political and cognitive standpoints by the types of entrenched leading representatives of status groups. The growth can also be viewed as the reproduction of their actions, embodied in terms of their new incentives (motives), of old and new social values.

Keywords: new industrialization, historical, social-economic, structural, cultural, political, cognitive types of embeddedness, industrial growth path of the Tyumen Region.

DOI: 10.21684/2587-8484-2017-1-2-12-46

Citation: Andrianova E. V., Davydenko V. A., Romashkina G. F. 2017. “The Industrial Growth Path of the Tyumen Region in the Context of the History of Its Social-Economic Embeddedness”. *Siberian Socium*, vol. 1, no 2, pp. 12-46.

DOI: 10.21684/2587-8484-2017-1-2-12-46

REFERENCES

1. Amosov A. 2014. “Ob ekonomicheskom mekhanizme novogo industrial’nogo razvitiya” [On the Economic Mechanism of The New Industrial Development]. *Ekonomist*, no 2, pp. 3-12.
2. Artur B. 2005. “Vozrastayushchaya otdacha i dva mira biznesa” [Increasing Returns and Two Worlds of Business]. *Ekonomicheskij vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 3, no 4, pp. 7.
3. Balashov A., Martyanova Ya. 2015. “Reindustrializatsiya rossiyskoy ekonomiki i razvitie oboronno-promyshlennogo kompleksa” [Reindustrialization of the Russian Economy and Development of the Defence Industry Complex]. *Voprosy ekonomiki*, no 9, pp. 31-44.

4. Belyaeva L. A. 2013. “Kul’turnyy i sotsial’nyy kapital i napryazhennost’ sotsial’nogo prostranstva Rossii” [Cultural and Social Capital and the Tension of the Social Space of Russia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost’*, no 5, pp. 51-64.
5. Bodrunov S. D., Grinberg R. S., Sorokin D. E. 2013. “Reindustrializatsiya rossiyskoy ekonomiki: imperativy, potentsial, riski” [Reindustrialization of the Russian Economy: Imperatives, Potential, Risks]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*, no 1, pp. 19-49.
6. Byukenen Dzh. M. 1997. *Sochineniya* [Written Works], vol. 1. Translated from English; edited by P. M. Nureev et al. “Nobelevskie laureaty po ekonomike” series. Moscow: Taurus Al’fa; Fond ekonomicheskoy initsiativy.
7. Vedomosti. 2011. “V. V. Putin provozglasil kurs na novuyu industrializatsiyu” [Vladimir Putin Proclaimed a Course towards the New Industrialization]. *Vedomosti*, 11 May.
8. Weber M. 1990. “Osnovnye sotsiologicheskie ponyatiya” [Basic Sociological Concepts]. In: Weber M. *Izbrannye proizvedeniya*, pp. 602-603, 625-626. Moscow: Progress.
9. Weber M. 2017. “Khozyaystvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchey sotsiologii. Obshchnosti” [Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 18, no 1, pp. 13-27.
10. Weber M. [1972] 2016. *Khozyaystvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchey sotsiologii* [Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie] in 4 vols. /translated from German; compiled, edited and introduction by L. G. Ionina. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck); Moscow: HSE Publishing House.
11. Volchik V. V., Kot V. V. 2013. “Institutsional’nye izmeneniya v periferiynykh regionakh: rol’ grazhdanskikh institutov” [Institutional Changes in Peripheral Regions: The Role of Civil Institutions]. *Terra Economicus*, vol. 11, no 4, pp. 19.
12. Territorial’nyy organ Federal’noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Tyumenskoj oblasti. 2015. *Demograficheskiy ezhegodnik (2011-2015): Stat. sb.* [Demographic Year-Book (2011-2015): Statistical Collection] in 3 parts. Part 3. Tyumen.
13. Dmitriev M. E. 2016. *Analiz faktorov realizatsii dokumentov strategicheskogo planirovaniya verkhnego urovnya. Analiticheskiy doklad* [Analysis of the Factors of Implementation of Documents of Strategic Planning of the Upper Level. Analytical Report]. St. Petersburg. Accessed on 28 December 2016. <http://polit.ru/media/files/2016/12/27/Report-on-strategy.pdf>
14. Dobbin F. 2013. *Formirovanie promyshlennoy politiki: Soedinennyye Shtaty, Velikobritaniya i Frantsiya v period stanovleniya zheleznodorozhnoy otrasli* [Formation of Industrial Policy: The United States, Britain and France in the Period of the Formation of the Railway Industry]. Translated from English by E. B. Golovlyanitsina; edited by V. V. Radaev. “Sotsial’naya teoriya” series. Moscow: HSE Publishing House.
15. Yamalo-Nenets Autonomous Okrug Economics Department. 2016. “Doklad o sotsial’no-ekonomicheskoy situatsii v Yamalo-Nenetskom avtonomnom okruge za 2015 god” [Report on the Socio-Economic Situation in the Yamal-Nenets Autonomous District For 2015]. Salekhard, Accessed on 31 January 2017. <http://de.gov.yanao.ru/ser%C2%ADyanao?id=69>
16. Dubenetskiy Ya. N. 2014. “Reindustrializatsiya: prakticheskie shagi” [Reindustrialization: Practical Steps]. *Mir novoy ekonomiki*, no 2, pp. 13-20.
17. Zubarevich N. 2014. “Chetyre Rossii otmenyayutsya” [Cancellation of Four Russias]. *Novaya gazeta*, 20 December; *Novaya gazeta, Politika*, no 144, 22 December.
18. Zubarevich N. 2016. “Ekonomika: Ni deneg, ni svobody” [Economics: No Money Or Freedom]. *Vedomosti*, 29 December.
19. Ivanter V. V., Komkov N. I. 2012. “Osnovnye polozheniya kontseptsii innovatsionnoy industrializatsii Rossii” [The Main Provisions of the Concept of Innovative Industrialization of Russia]. *Problemy prognozirovaniya*, no 5, pp. 3-12.
20. Inozemtsev V. 2013. “Strategiya razvitiya: Vybor prioritetrov” [Development Strategy: Priority Choice]. *Vedomosti*, 6 August.
21. Inozemtsev V. 2013. “Strategiya razvitiya: Zhit’ za schet resursov” [Development Strategy: Living at the Expense of Resources]. *Vedomosti*, 7 August.

22. Lenchuk E. B. (ed.). 2014. *Institutsional'naya sreda "novoy industrializatsii" ekonomiki Rossii: sbornik* [Institutional Environment of the "New Industrialization" of the Russian Economy: Collected Works]. Moscow: Institut ekonomiki RAN.
23. Lapin N. I. 2015. "Aktual'nye teoretiko-metodologicheskie aspekty issledovaniy rossiyskoy modernizatsii" [Actual Theoretical and Methodological Aspects of the Studies of Russian Modernization]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 1, pp. 5-10.
24. Lapin N. I. 2006. "Antroposotsietal'nyy podkhod" [Anthroposocial Approach]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, vol. IX, no 3.
25. Lapin N. I. 2005. "Antroposotsietal'nyy podkhod: metodologicheskie osnovaniya, sotsiologicheskie izmereniya" [Anthroposocial Approach: Methodological Grounds, Sociological Measurements]. *Voprosy filosofii*, no 2, pp. 17-29.
26. Lapin N. I. 2014. "Problemy formirovaniya kontseptsii i chelovecheskikh izmereniy strategii po etapnoy modernizatsii Rossii i ee regionov" [Problems in the Formation of the Concept and Human Dimensions of the Strategy for the Gradual Modernization of Russia and Its Regions]. *Sotsiologicheskii issledovaniya*, no 7, pp. 8-19.
27. Lapin N. I., Belyaeva L. A. 2010. *Programma i tipovoy instrumentariy "Sotsiokul'turnyy portret regiona Rossii" (Modifikatsiya — 2010)* [Program and the Standard Toolkit "Sociocultural Portrait of the Russian Region" (Modification — 2010)]. Moscow: MFRAN.
28. Lapin N. I. 2000. "Sotsiokul'turnyy podkhod i sotsietal'no-funktional'nye struktury" [Sociocultural Approach and Societal Functional Structures]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 7, pp. 3-12.
29. Lenchuk E. B. 2014. "Rol' 'novoy industrializatsii' v formirovanii innovatsionnoy ekonomiki Rossii" [The Role of the "New Industrialization" in the Formation of Russia's Innovative Economy]. In: Lenchuk E. B. (ed.). *Institutsional'naya sreda "novoy industrializatsii" ekonomiki Rossii* [Institutional Environment of the "New Industrialization" of the Russian Economy], pp. 12-43. Moscow: Institut ekonomiki RAN.
30. Kommersant. 2017. "Ministr ekonomiki Maksim Oreshkin o starykh i novykh zadachakh ministerstva" [Minister of Economy, Maksim Oreshkin, On the Old and New Tasks of the Ministry]. *Kommersant*, 8 January.
31. Ekspert Ural. 2007. "Oдно 'no'" [One "But"]. *Ekspert Ural*, 26 November. <http://www.acexpert.ru/archive/44-307/odno-no.html>
32. Osnovnye itogi sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Tyumenskoj oblasti (bez avtonomnykh okrugov) za 2015 god [The Main Results of Social and Economic Development of the Tyumen Region (Without Autonomous Okrugs) for 2015]. Accessed on 31 January 2017. http://admtymen.ru/ogv_ru/finance/economics/results/more.htm?id=11356316@cmsArticle
33. Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra Governor's Report "O rezul'tatakh deyatel'nosti Pravitel'stva Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga — Yugry v 2015 godu" [On the Results of the Government of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug - Ugra In 2015]. Accessed on 31 January 2017. [http://www.dumahmao.ru/povest/povest_5705\(1\)/07/33.pdf](http://www.dumahmao.ru/povest/povest_5705(1)/07/33.pdf)
34. Polterovich V. M. 1997. "Krizis ekonomicheskoy teorii" [The Crisis of Economic Theory]. Report at the Research Workshop of Otdelenie ekonomiki i TsEMI RAN "Neizvestnaya ekonomika" [The Unknown Economy]. TsEMI RAN. http://www.nbrilev.ru/krizis_economic_theory_.htm
35. Tyumen Region Governor's, V. V. Yakushev, message to the Regional Duma. 2016. "O polozhenii del v oblasti i perspektivakh ee razvitiya" [On the State of Affairs in the Region and Prospects for Its Development]. https://gubernator.admtymen.ru/governor_to/ru/interviews/messages.htm
36. Radaev V. V. 2001. "Novyy institutsional'nyy podkhod: postroenie issledovatel'skoy skhemy" [A New Institutional Approach: Building a Research Scheme]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya: elektronnyy zhurnal*, vol. 2, no 3, pp. 5-26.
37. Valentey S. D. (ed.). 2015. *Reindustrializatsiya ekonomiki Rossii v usloviyakh novykh ugroz* [Reindustrialization of the Russian Economy in the Face of New Threats], vol. 2. Nauch. doklady REU. Moscow: FGBOU VPO REU im. G. V. Plekhanova.
38. Tyumen Regional Duma. The official website. 2016. "Sergey Korepanov ob itogakh 2016-go i planakh na 2017 god: glavnyaya zadacha Tyumenskoj oblasti — obespechenie usloviy rosta regional'noy ekonomiki i

- vypolnenie sotsial'nykh obyazatel'stv" [Sergey Korepanov on the Results of 2016 and Plans for 2017: The Main Task of the Tyumen Region Is to Ensure Conditions for the Growth of the Regional Economy and Fulfillment of Social Obligations]. 30 January. <http://www.duma72.ru/ru/arena/new/news/609/47865/>
39. Novaya gazeta. 2010. "Sergey Semenovich. Vot on kakoy" [Sergey Semenovich. That's What He Is Like]. Novaya gazeta, 18 October. <https://www.novayagazeta.ru/articles/2010/10/18/1080-sergey-semenovich-vot-on-kakoy>
 40. Romashkina G. F., Davydenko V. A. (eds.). 2015. Sotsiokul'turnaya dinamika — portret Tyumenskoj oblasti: kollektivnaya monografiya [Sociocultural Dynamics — A Portrait of the Tyumen Region: A Collective Monograph]. Tyumen: TSU Publishing House.
 41. RF Innovation Development Strategy until 2020. Approved by RF Government Resolution of 8 December 2011, no 2227 r; RF State Programme "Razvitie promyshlennosti i povyshenie ee konkurentosposobnosti na period do 2020 g." [Development of Industry and Enhancing Its Competitiveness until 2020]. Approved by RF Government Resolution of 27 December 2012, no 2539 r; State Programme of Science and Technologies Development. Approved by RF Government Resolution of 20 December 2012 g, no 2433 r; RF State Programme "Razvitie ekonomiki i innovatsionnaya ekonomika" [Development of the Economy and Innovative Economy]. Approved by RF Government Resolution of 29 March 2013, no 467 r.
 42. Alekseev V. V., Kradin N. N., Korotaev A. V., Grinin L. E. (eds.). 2014. Teoriya i metodologiya istorii [Theory and Methodology of History]. Volgograd: Uchitel.
 43. RF President's Decrees of 7 May 2012, no 596-606 "Ob osnovnykh napravleniyakh sotsial'no ekonomicheskogo razvitiya Rossii" [On the Main Directions of the Social and Economic Development of Russia].
 44. RBK. 2017. "Federal'naya antimonopol'naya sluzhba podgotovila prezidentskiy ukaz o snizhenii gosudarstvennogo uchastiya v ekonomike" [The Federal Antimonopoly Service Prepared a Presidential Decree on Reducing State Participation in the Economy]. RBK, 8 February.
 45. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki (Rosstat) [Federal State Statistics Service (Rosstat)]. Accessed on 10 January 2017. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/industrial/#
 46. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki (Rosstat) [Federal State Statistics Service (Rosstat)]. Accessed on 31 January 2017. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#
 47. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki (Rosstat) [Federal State Statistics Service (Rosstat)]. Published on 2 February 2017; accessed on 10 February 2017. <https://www.fedstat.ru/indicator/34475.do>
 48. Fligstin N. 2013. Arkhitektura rynkov: ekonomicheskaya sotsiologiya kapitalisticheskikh obshchestv XXI veka [The Architecture of Markets: The Economic Sociology of Capitalist Societies of the 21st Century]. Translated from English by A. A. Kurakin; edited by V. V. Radaev. "Sotsial'naya teoriya" series. Moscow: HSE Publishing House.
 49. Tsvetkov V. 2013. "My dolzhny svoi 'nedostatki' prevrashchat' v dostoinstva" [We Must Turn Our "Shortcomings" into Our Dignities]. Rossiyskaya Federatsiya segodnya, no 11.
 50. Shumkov V. M. 2015. "Administrativnye tekhnologii soprovozhdeniya investorov v Tyumenskoj oblasti" [Administrative Technologies for Investor Support in the Tyumen Region]. Nalogi, investitsii, kapital, no 1 (100), pp. 64-66.
 51. Shumkov V. M. 2016. "Tyumenskaya ekonomika prodolzhit rasti" [Tyumen Economy Will Continue Growing]. Tyumenskaya liniya, 31 December. Accessed on 10 January 2017. <http://t-l.ru/219959.html>
 52. Baker W. E. 1984. "The Social Structure of a National Securities Market". American Journal of Sociology, vol. 89, no 4, pp. 775-811.
 53. Biggart N. 1998. Charismatic Capitalism: Direct Selling Organizations in America. Chicago: University of Chicago Press.
 54. Fligstein N. 1990. The Transformation of Corporate Control. Cambridge: Harvard University Press.
 55. Powell W., DiMaggio P. (eds.). 1991. The New Institutionalism in Organizational Analysis. Chicago: University of Chicago Press.
 56. Zukin S., DiMaggio P. 1990. "Introduction". In: Powell W., DiMaggio P. (eds.). Structures of Capital: The Social Organization of the Economy, pp. 1-36. Cambridge: Cambridge University Press.